

Э Д У А Р Д
ТОПОЛЬ

КИТАЙСКИЙ ПРОЕЗД

Эдуард Владимирович Тополь

Китайский проезд

*Текст предоставлен издательством «АСТ»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=136430
Эдуард Тополь. Китайский проезд: АСТ; Москва; 2004
ISBN 5-17-023477-5*

Аннотация

Вниманию читателей предлагается книга известного во всем мире писателя Э. Тополя – любовно-политический триллер «Китайский проезд».

Крутые московские разборки 1996 года, выборы президента России, романтическая любовь, захватывающая интрига и ироническая улыбка – Эдуард Тополь в своем амплуа и блеске!

Содержание

Пролог	5
Часть первая	7
1	7
2	21
3	34
4	42
5	48
6	53
7	62
8	71
9	78
10	90
11	96
12	102
13	113
14	121
15	127
Часть вторая	129
16	129
17	135
Конец ознакомительного фрагмента.	139

Эдуард Тополь

Китайский проезд

Любовно-авантюрный роман с претензией на историческую недостоверность

Все события, описанные в романе, выдуманы автором и никогда не происходили в действительности. А если что-то и происходило, то не в России, а в Китае. Преступление автора состоит в том, что он, не зная реалий китайской жизни, перенес действие романа в Москву и дал некоторым китайским персонажам русские фамилии. Но главные исторические лица сумели – вопреки воле автора – сохранить свои китайские имена, хотя все совпадения китайских событий и характеров с русскими совершенно случайны и, безусловно, не имеют в виду задеть чью-то честь или, Боже упаси, достоинство. А если кто-то в России все же оскорбится своим сходством с китайцами, автор заранее приносит китайцам свои извинения.

«Никогда такого не было». Произнесение такой

фразы ответчиком означает полное отрицание требований, предъявленных ему.

Вавилонский Талмуд.

Трактат Бава Меция.

Первая глава, 5-А.

Пролог

«...стать мудрым царем ему не удавалось. Он часто нарушал волю Бога и поступал несправедливо. Поэтому Господь решил отобрать у него царство и передать другому».
(Из «Библейских рассказов»)

И нашла на него болезнь сердца, и огненная стрела боли пронзила его грудь, и возопил он к Богу:

– Неужто убиваешь меня совсем?

И был ему Глас, и сказал:

– Народ, который выбрал тебя царем, ты бросил в нищету и отчаяние, а порок стал царить на твоей земле. Через боль в сердце лишаю тебя жизни и царства.

И остановилось его сердце, и помутился разум, и дыхание пресеклось, и душа полетела к Богу, вопя:

– Господи, прости меня! Не убивай! Дай мне вторую жизнь, прошу Тебя! Я спасу Россию от нищеты, от воровства, от бандитского разграбления – клянусь Тебе! Я завяжу с алкоголем и с раздачей привилегий слугам своим! Поми-

луй же и верни мне жизнь, Всевышний! Я очищу Россию от скверны коррупции, я накормлю свой народ, я дам ему возможность дышать, жить и размножаться не в нищете и страхе перед государственным рэкетом и уличными бандитами, а в нормальной и спокойной жизни! Я обещаю Тебе!

И услышал Всевышний клятву его и сказал:

– Последний раз верю тебе и дарую тебе вторую жизнь. Но велики и сильны стали враги твои, которых ты же и расплодил. Отнимут они у тебя твое царство, если не пошлю тебе ангела в помощь...

Часть первая

1

ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!
NEW RUSSIA, WELCOME TO CALIFORNIA!
THE FIRST AMERICAN-RUSSIAN
BUSINESS FORUM
FEBRUARY 2–8, 1996
ВСЁ ДЛЯ ВАС, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Большой русско-английский транспарант, украшенный трехцветным российским и звездно-полосатым американским флагами, висел над входом в «Royal Marina Hotel» в Лос-Анджелесе, где компания «New Russia Invest, Ltd.» принимала сливки новой России – сто пятьдесят ведущих русских бизнесменов, банкиров и представителей московского правительства. Так, во всяком случае, гласили приглашения, разосланные Эзрой Зускиным, хозяином «Нью раша инвест, лтд.», президентам всех крупных калифорнийских банков и финансовых корпораций в надежде на то, что американские лохи с толстыми чековыми книжками в карманах толпами ринутся в «Ройял марина-отель» на деловую смычку с «новыми русскими». Но на всем калифорнийском побережье ни одна живая душа никогда не слышала о компании

«Нью раша инвест» и о «профессоре» Зускине. А поскольку времена диких гешефтов, описанных О.Генри в «Королях и капусте», давно ушли в учебники менеджмента, все приглашения Зускина улетели в мусорные корзины секретарш еще до того, как лечь на столы адресатов. В мире большого бизнеса никто не тратит время на незнакомцев.

Но Зускин не унывал. Он был матерым бизнесменом одесского разлива, тертым в сибирских и американских тюрьмах, и знал: то, что американцы давно забыли вместе с романом «Короли и капуста», Россия еще и не пробовала. Так и вышло: сто пятьдесят «новых русских» легко выложили по пять тысяч долларов за право называться «cream of cream» новой России и провести три дня со сливками американского бизнеса. На эти деньги Зускин купил в «Трансаэро» сто пятьдесят билетов в Калифорнию и обратно по оптовой цене триста тридцать долларов за билет, сто пятьдесят комнат в «Ройял отель» по двести долларов за комнату на три ночи, а также восемь докладчиков из менеджмента знаменитых «Фиделити», «Дженерал электрик», «Мэрил Линч», «Юнайтед вэй», «IBM» и т. п. – по пять тысяч долларов за спич. Пятьдесят тысяч Зускин заложил на аренду конференц-зала, работу переводчиков, транспорт, телефонные разговоры и прощальный банкет в ресторане «Русский медведь» в Западном Голливуде, сорок тысяч – на выступление Доналда Трампа на открытии форума и тридцать тысяч – на развлечения в Лас-Вегасе знаменитого мэра Москвы Юю Лу Жжа, который дол-

жен был прилететь во главе русской делегации и стать главной приманкой для американских деловых кругов и представителей прессы.

Таким образом, после всех расходов Эзра Зускин, больше известный в России по своим юношеским кличкам «Скрипач» и «еврей Зус», должен был одним ударом положить в карман как минимум полмиллиона хрустящей зелени. Но когда вам везет, то везет во всем. Доналд Трамп и за сорок тысяч долларов не смог, видите ли, выкроить время для двадцатиминутной речи на форуме, а Йю Лу Жж в самый последний момент демонстративно отказался от поездки в США – обиделся на американского посла в Москве, который не выдал визы сорока трем членам русской делегации. Узнав о таком афронте американцев, Йю Лу Жж позвонил послу и спросил, в чем, собственно говоря, дело, он везет в Америку сливки российского бизнеса, какого черта американское посольство урезает его делегацию на треть? «Я не отчитываюсь перед вами за свои решения, сэр, – ответил ему посол. – У нас свои правила выдачи въездных виз в нашу страну». «В таком случае, сэр, – язвительно сказал Йю Лу Жж, – можете и мою визу засунуть туда, куда вы засунули эти сорок три!» И бросил трубку.

Как ни странно, на американца это произвело сильное впечатление. То ли он тут же вспомнил, на чьей, собственно говоря, территории расположено его посольство и как запросто может мэр перекрыть американским дипломатам воду,

свет, газ и прочие удобства в этой и без того недоцивилизованной стране, то ли просто испугался осложнений отношений с будущим, по всем прогнозам, преемником Ель Тзына на президентском посту. Как бы то ни было, но факт остается фактом: уже через два часа специальный курьер доставил в Московскую мэрию американские въездные визы на все сто пятьдесят членов делегации. Но было поздно: Йю Лу Жж, обидчивый, как все китайцы невысокого роста, никогда не менял своих решений. И тем самым – на пару с Доналдом Трампом – сэкономил Зускину еще семьдесят тысяч долларов.

Впрочем, Первый американо-российский бизнес-форум от этого не пострадал. Сто пятьдесят «новых русских» были людьми с понятием в бизнесе, они замешивали в России и не такие «пирамиды», а потому, отсидев в конференц-зале первые три часа, они легко простили еврею Зусу его маленький, всего на полмиллиона, гешефт и после обеда дружно смотались из Лос-Анджелеса в Диснейленд, Лас-Вегас и на Гранд-Каньон. В конце концов, не так уж болезненна потеря пяти тысяч долларов, если за эти деньги вас из морозной Москвы выманили не в Чечню и не в Воркуту, а в солнечный Лос-Анджелес, откуда всего за сотню долларов можно сгонять в Лас-Вегас, а за двести – полетать на вертолете над Гранд-Каньоном.

Но там, где ленятся развернуться именитые киты капитализма, вроде Трампа и Линча, всегда находят свой ма-

невр рыбки поскромней. И потому пока основная масса русских делегатов Первого американо-российского бизнес-форума заседала за зелеными столами лас-вегасских казино или без усталости здоровалась там с «однорукими бандитами», кое-какие деловые американо-российские встречи все-таки состоялись.

Mr. Vincent FERRANO
President
Safe Way International Inc.

Визитная карточка была на дорогом, с водяными знаками в пластике, с указанием трех телефонов и двух факсов в Лос-Анджелесе и в Эль-Сантро и престижного, с именем владельца, номера в E-mail. Но, конечно, не водяные знаки и не код в Интернете заставили «профессора» Зускина при виде этой карточки тихо охнуть и побледнеть, как от сердечного укола, а потом вскочить из-за стола в гостиничном штабе форума и с распростертыми объятиями поспешить навстречу «дорогому» гостю:

– Vinny! Oh, my God! Как ты меня нашел? Мы не виделись вечность!

– Двенадцать лет, – уточнил посетитель. Он был скорее маленького, чем среднего роста, скорее пятидесяти лет, чем шестидесяти, скорее плотный, чем толстый, и, похоже, весьма богат – на нем был светлый костюм от «Армани», темная рубашка от «Версачи», туфли от «Балли», «Ролекс» на руке, а на загорелой шее и на безымянных пальцах – золотая

цепочка и перстни от «Тиффани». С таким подчеркнутым шиком одеваются либо те, кто относится к себе с большим уважением, либо те, кто хочет внушить это уважение окружающим.

– Двенадцать лет?! Неужели?! – воскликнул Зускин. – Да, ты прав! Двенадцать лет! Но ты великолепно выглядишь! Даже лучше, чем тогда! Садись! – Зускин сам подвинул гостю кресло. – Что ты пьешь? Джин? Виски? Коньяк?

– Кровь, – сказал гость, садясь.

– Что??? – поперхнулся Зускин, но тут же рассмеялся: – Винни, ты все тот же! «Кровь»! Боже, я уже забыл твои шутки! Но если бы не они...

– Cut the shit! (Заткнись!) – сухо перебил его Винсент. – Ты мой должник, ты помнишь?

– Винни! – Зускин укоризненно заглянул гостю в глаза. – Я тебе жизнью обязан! Даже мои внуки знают об этом! Твое имя как икона в нашем доме! Я просто не знал, как тебя найти! Все-таки что ты пьешь? Кофе? Апельсиновый сок? – Он суетливо подошел к небольшому холодильнику у огромного, во всю стену окна. За этим окном открывался роскошный вид на залив Марина-дел-рэй и на сонмище яхт, дремлющих там под теплым калифорнийским солнцем. – У меня есть прекрасный русский квас! Ты такого не пробовал! Прямо из Москвы! На алтайском меду!..

– Come on, – негромко остановил его Винсент и кивком указал на кресло за письменным столом, где виселись чугуны-

ный бюстик Моцарта, два скрещенных русских и американских флажка, стопки роскошных буклетов компании «Нью-раша инвест, лтд.» и семейные фото хозяина. – Сядь! – приказал Винсент Зускину.

Зускин, враз потускнев, послушно сел в кресло. Произнес обреченно:

– О’кей, Винни! Что я могу сделать для тебя?

– Двести тысяч сегодня и еще пятьсот завтра. В долг. На год. Под десять процентов.

Зускин изумленно захлопал глазами.

– Винни, ты шутишь? Я в жизни не видел таких денег!

– Что? – Винсент повернулся к нему левым ухом, он был глуховат на правое.

– Я в жизни не видел таких денег, клянусь! – повторил Зускин.

– А этот форум?

– Он меня разорил, Винни! – воскликнул Зускин. – Пойди посмотри: ни один американский лох не явился!

– Fuck you! – обложил его Винсент.

– Клянусь внуками! Винни! Чтоб я так жил!..

Винсент сунул руку в карман пиджака, вытащил из него стандартный конверт фотолаборатории «Кодак» и швырнул на стол пачку цветных фотографий, веером разлетевшихся перед Зускиным.

– Этими внуками? – сказал он и вдруг вскочил, с неожиданной прытью и бешенством обежал вокруг стола и свои-

ми короткими, но мощными пальцами в золотых перстнях схватил Зускина за горло, с силой ткнул мордой в фотографии: – Этими внуками ты клянешься, сука?

На фотографиях действительно были чудные малыши в возрасте от полутора до пяти лет – играющие во дворе прелестного двухэтажного особняка... плавающие в бассейне перед еще одним домом в горах... катающиеся на пони и на санках... Клясться такими ангелами, да еще лживо, было грех.

– Fuckin' scum! – остервенело закричал Винсент. – Потрох ебаный! Внуками клянешься? Разорил тебя этот форум? Я помню твои клятвы! Я тебе за них сейчас яйца на уши намонтаю!

И словно вдохновленный этой литературной метафорой, он левой рукой вздернул Зускина за шиворот над креслом, а правую просунул ему сзади меж ног, ухватил за пах и стал воплощать метафору в жизнь с такой силой, что Зускин, распахнув хрипящий рот, задохнулся от боли.

– Ну? Помнишь, как ты клялся быть мне братом? – в бешенстве тряс его Винсент. – Помнишь, как умолял спасти твою белую жопу? И я тебя спас! От самого большого члена Риверсайдской тюрьмы, верно? Ты помнишь ту черную колумбийскую залупу? Она была больше полицейской дубинки! Ты помнишь, кто тебя спас от нее? Помнишь?

– Да... да... – хрипел Зускин. – Ты, Винни... Ты...

– Громче! Я не слышу правым ухом!

– Ты, Винни!

– И кто двенадцать лет прятался от меня? Кто? Говори!

– Я, Винни. Я...

Неожиданно Винсент выпустил Зускина, как дети роняют на пол надоевшего кролика или щенка. И подошел к холодильнику, открыл его.

– О'кей, что у тебя тут?

Вытащил темную бутылку с этикеткой «Russian Kwass», посмотрел на нее с сомнением, поставил обратно и взял банку с тоником. Откупорил и стал жадно пить, кося глазом на Зускина. Тот валялся на полу, поджав в коленях ноги и обеими руками нянча в пригоршнях свою едва не оторванную мошонку.

– Сам виноват... – произнес Винсент меж глотками, отирая губы и стараясь не закапать тоником свою рубашку от «Версачи» и пиджак от «Армани». – Я пришел к тебе, как к брату. А ты меня сразу вывел из себя. – Он небрежным жестом вздернул Зускина с пола в кресло. – Ладно, не прикидывайся, будто у тебя там есть что оторвать. Слушай. Я проиграл колумбийцам свой бизнес. Если до конца недели я не отдам им хотя бы половину долга, мне придется откупаться от них этими фотографиями. С адресом твоего дома в Санта-Монике и виллы в Пасадене. Ты понял? А у колумбийцев нет чувства юмора, ты же знаешь. Когда они возьмут твоих внуков за яйца, то уже не отпустят...

Что-то в голосе Винсента сказало опытному Зускину, что

Винсент не шутит и не берет его на понт. Он живо представил, что будет с его любимыми внуками, попади они в руки колумбийской мафии. И разом покрылся холодным потом.

– Сколько? – спросил он негромко.

– Я же сказал: двести сегодня и еще пятьсот до конца недели.

– Но это невозможно, Винни...

– В долг! Под десять процентов! – Винсент уже не требовал и не просил, а умолял его действительно как брата. – Ровно на год, Эзра! Я отдам, поверь! Иначе мне конец! Ты же обещал быть мне братом!

– У меня нет таких денег, клян...

– Опять? – перебил Винсент, тут же вскипая. – Лучше не клянись, сука! Сколько ты можешь дать?

– Не знаю... – протянул осторожный Зускин, его карие глаза забегали, как цифры в счетной машине. – Десять тысяч... – И тут же поправился: – Двадцать, Винни! Двадцать пять...

Но Винсент даже не счел нужным удостоить его взглядом. Он подошел к письменному столу, украшенному бюстом Моцарта, буклетами фирмы «Нью раша инвест, лтд.» и русско-американскими флажками. Всю эту муру он небрежным жестом отшвырнул в сторону, а собрал со стола только фотографии внуков Зускина и его двух домов в Санта-Монике и в Пасадене – фотографии, которые он сам принес, плюс те, которыми был украшен стол Зускина.

– Гуд бай, мой друг. Мои внуки тоже будут помнить твое имя, как икону...

С этими словами Винсент сунул фотки в карман и направился к двери.

Но Зускин, конечно, окликнул его.

– О'кей, Винни, ты меня достал, – сказал он деловым тоном. – Я дам тебе сто тысяч.

– И шестьсот в конце недели, – быстро повернулся Винсент.

Но теперь перед ним сидел совершенно иной Зускин – с жестким, словно у старого грифа, лицом.

– Только сто, больше у меня нет, – спокойно сказал он. – Можешь оторвать мне яйца, если не веришь.

Винсент молчал, прикидывая, какую отсрочку он может получить у колумбийской мафии под эти сто тысяч.

– Но мы оформим этот заем у адвоката, – продолжил Зускин, открывая ящик стола и вынимая из него чековую книжку.

– Сука! – усмехнулся Винсент. – Когда я спасал твою жопу, я не звал адвокатов...

– Зря, – заметил Зускин. – Теперь я вижу, что если бы тот негр меня трахнул, мне бы это обошлось дешевле. – Он выписал чек на сто тысяч долларов и поднял глаза на Винсента: – И все-таки, как ты меня нашел?

Винсент взял чек, сверил подпись Зускина с его же подписью на цветном буклете «Нью раша инвест, лтд.» и только

после этого вытащил из кармана приглашенный билет на Первый американо-российский бизнес-форум, швырнул его Зускину:

– Ты разослал свои ебанные приглашения всем банкирам, в том числе президенту «Санта-Фе траст сэвинг», верно?

Зускин кивнул.

– А я вчера пришел к нему, чтобы отсрочить уплату своего долга. Кстати, его зовут Амадео Джонсон, и ему принадлежат шесть подпольных игорных домов в Гардене и Западном Голливуде. И он говорит мне: «Слушай, ты получил приглашение на этот ебанный американо-российский форум?» Я говорю: «Нет, а что?» Он говорит: «Странно! Мне кажется, это тот самый Зускин, которого ты своими шутками снял с моего члена в Риверсайдской тюрьме. Только почему он прислал приглашение мне, а не тебе? Может, мне все-таки пойти на этот форум и трахнуть его наконец?»

Ужас на лице Зускина вызвал улыбку у Винсента.

– Как видишь, – сказал он, – я второй раз спас твою жопу от разрыва дырки. И всего лишь за сто ебанных гранс. А ты хочешь оформить эту ерунду у адвоката! Ты действительно scum вонючий! Мне даже стыдно, что я три года сидел с тобой в одной камере! Три года моей юности на такое дерьмо! – И Винсент снова чуть не вспыхнул: он был очень впечатлительным человеком.

Даже несколько минут спустя, при выходе из отеля, он все еще был в расстроенных чувствах. И когда увидел возле сво-

его белого «ламборджини» двух русских – высокого и художника тридцатилетнего блондина-очкарика в светлом костюме и такого же молодого, но в шортах и в дешевой майке, толстяка весом под двести сорок паундов, – вскипел мгновенно. Тем паче что блондин-очкарик бесцеремонно заглядывал в машину, лапая руками дорогие затененные стекла, приотпущенные в дверцах по случаю теплой погоды, а неряшливо одетый толстяк, присев на корточки, щупал диковинные кевларовые закрылки необычно широких шин его машины.

– Эй, вы! – грубо крикнул им Винсент, направляясь к «ламборджини». – Отвалите от машины!

Но русские бестрепетно повернулись к нему.

– Это бронированный «ламборджини»? – спросил блондин на отличном, с британским акцентом английском.

– You bet! (Ты угадал!) – сказал Винсент.

– Где вы его купили?

Винсент, открывая машину, высокомерно усмехнулся:

– Why? Ты хочешь купить?

– Может быть... – сказал блондин.

И тут Винсента пронзила догадка:

– А вы с этой конференции? Или – как его? – форума?

– Yup! – подтвердил блондин.

– О! Так вы и есть «нюу рашенс», да?

– Вроде того... – усмехнулся очкарик.

– И у вас действительно могут быть деньги на такую игрушку?

– Well... Это зависит...

– Это зависит of shit! – тут же раздраженно сказал Винсент, садясь в машину. – Я делаю эти игрушки. Если у вас есть деньги, могу показать. А нет – гуд бай, я занятой человек.

Он повернул ключ зажигания, перевел рычаг на «драйв» и уже поставил ногу на педаль газа, когда на руль машины легла белая, с рыжим пушком рука блондина.

– Минуту! – сказал этот очкарик. – Как вы хотите убедиться, что у нас есть деньги?

– Я уже вижу это, – ответил Винсент.

Действительно, прямо перед ним на рыжей руке блондина были часы «Картье» в тонком платиновом корпусе с темными рубинами вместо цифр. Такие часы стоимостью в семьдесят тысяч долларов даже он, Винсент, не мог себе позволить.

2

Рев форсированных моторов оглушал аризонские прерии вокруг ранчо «Морнинг дрим» (Утренняя мечта), превращенные в первоклассный автодром для испытаний бронированных лимузинов и яхт, которые компания «Safe Way, Inc.» поставляла лидерам и вождям новых арабских, африканских, малоазиатских и прочих «демократий». Такому автодрому могли позавидовать не только конструкторы «Дженерал моторс», «лендроверов» и «тойот», но даже создатели танков «шерман» и «Т-72». Потому что Винсент Феррано знал главный секрет своего бизнеса – понт. Понт и шок, равный шоку сексуального маньяка при встрече с Мэрилин Монро. Многолетняя практика уже давно убедила Винсента в том, что цена на его штучный товар не имела для его покупателей никакого значения – захватив власть в какой-нибудь Ливии или Гуэтаме, очередной национальный патриот а-ля Каддафи тут же превращал свою «демократию» в личную диктатуру и стремился немедленно обзавестись бронированным «роллс-ройсом» или, на худой случай, бронированным «мерседесом». Причем непременно такими, какие они видели в кинофильмах о Джеймсе Бонде – со скорострельными пулеметами, которые нажатием кнопки выскакивали из багажников, или с крыльями, которые, выдвигаясь из-под машины, позволяют ей перелетать через препятствия.

И Винсент делал неплохие деньги на этих бронированных монстрах, которые азартно конструировал, собирал, испытывал и демонстрировал покупателям его гениальный механик Робин Палски в прериях Эль-Сантро на границе Калифорнии и Аризоны. Конечно, другой, более мудрый и осторожный, хозяин уже давно сделал бы миллионы на этом бизнесе, спрятал бы их в банке на Каймановых островах или вложил бы в бетоностойкие акции какой-нибудь продовольственной компании типа «Набиско». Но у Винсента все его богатства были при нем – золотая цепочка на шее, перстни на пальцах, «Ролекс» на правой руке и, конечно, «ламборджини». Потому что Винсент был игрок. Причем игрок крутой, неудержимый, знающий о своем губительном пороке и потому старательно, как монах, избегающий даже приближаться не только к Лас-Вегасу, но и к хорошо известным ему (и полиции) подпольным казино в Лос-Анджелесе.

Однако можно ли при его бизнесе избежать злочных мест Калифорнии? Особенно если именно там пасутся самые жирные клиенты? Порой, когда подходило время платить за колледжи трех своих сыновей-погодков – девяносто семь тысяч долларов за семестр плюс стоимость их проживания в общежитиях, деньги на питание, одежду, компьютеры, спортклубы и прочее и прочее, – Винсент был вынужден отправляться на поиски клиентов именно в эти заведения. Конечно, он железно, каменно знал, что не сядет за игорный стол и не возьмет в руки карты. И хозяева этих мест, знавшие

Винсента и изредка поставлявшие ему (за процент) покупателей на бронированные авто, тоже старались отвлечь его от игры. Но, конечно, не слишком настойчиво. А соблазн одним ударом снять с себя непосильный груз оплаты обучения своих любимцев в самых престижных колледжах Калифорнии становился неукротимым. И, сев за стол, Винсент, как наркоман, уже не вставал, не проиграв абсолютно все вплоть до своего ранчо, бизнеса, дома на Паллисайд-драйв, «ламборджини» и даже Кларка и Гейбла, двух отвратительных, с характером Майка Тайсона, питбулей своей жены. Трижды кто-то из старых друзей Винсента, с которыми он рос на Сицилии и за кого в юности он дважды уходил в тюремные камеры Калифорнии, – трижды эти друзья выручали его, одалживая ему деньги под щадящие проценты. Но теперь, похоже, Винсент влип безвылазно – он сам, на арендованной «сесне», привез в Эль-Сантро этих сомнительных русских покупателей: высокого, голубоглазого очкарика в теннисной рубашке «Оксфорд юниверсити теннис клуб» и потного, с короткой шеей крепыша паундов на двести сорок, упрятанных в дешевую черную майку «Баффало буллс», пятидолларовые холщовые шорты и стоптанные босоножки.

Уже по этой арендованной «сесне» (и еще по какому-то странно-заносчивому выражению лица Винсента) Робин понял, что его босс буквально, как говорится, «desperate», в отчаянии, и что ему нужно срочно, немедленно продать хотя бы одну машину! И вот уже два часа сорок минут Робин де-

монстрировал этим русским чудеса своей техники. Его одетые в титан, сталь и кевлар джипы, «мерседесы», «кадиллаки» и «порше» проходили целехонькими сквозь шквальный пулеметный огонь и взрывы на вспаханной полосе, проносились по отвесному серпантину горной дороги, залитой горячей нефтью или устланной острыми стальными шипами, и продирались по бездорожью в джунглях. Они таранили и сшибали пальмы, проламывались сквозь заросли лиан и кактусов и переваливали через мусорные завалы. Они погружались в резервуары с водой, болотной тиной и мазутом и выходили из этого дерьма на скорости сорок миль в час. Они выбрасывали из своих багажников скорострельные пулеметы на стальных штативах с полным круговым радиусом обстрела, а также дымовые шашки, самовзрывающиеся баллоны с газом, нефтью и маслом, гарпуны и сети с шипами, а из-под переднего бампера они выстреливали маленькими термоплазменными ракетами для пробивания стен и прочих препятствий и самонаводящимися ракетами тепловой наводки для поражения машин и вертолетов в радиусе мили вокруг и сверху. Короче говоря, все, что в Голливуде десятилетиями выдумывали и делали из папье-маше и фольги для агента 007 и Бэтмена, гениальный Робин Палски здесь, на ранчо «Морнинг дрим», воплотил в настоящую броневую сталь, кевларовые панели из углепластика, пулевязкий каучук и пулеметы с лазерной наводкой.

Через два часа сорок минут он на последней своей новин-

ке – амфибии-экраноплане «Порше-XXI», способном погружаться в воду на тридцать метров и взлетать на двадцать, – устало остановился перед высокой камышовой верандой ранчо, с которой, попивая ледяное пиво «Ханникер», Винсент и два русских следили за демонстрацией. Робин знал, что она удалась, и гордился этим – ни одна из его «черепашек» не подвела его, не заглохла под водой и не перевернулась от взрыва под колесами. Правда, неизвестно, как поведут себя эти игрушки при сибирских морозах, если русские увезут их туда, но, в конце концов, сегодня это не важно, а важно спасти Винсента...

– Ну, что скажете? – нервно сказал Винсент своим гостям и вытер вспотевшую шею мятым платком.

Робин давно знал эту манеру шефа внутренне закипать от всего, что ему не по душе, и поражался сегодняшней выдержке Винсента – за два часа сорок минут эти чертовы русские не произнесли ни слова, в то время как любой африканский, южноамериканский и даже арабский клиент уже при демонстрации второй, ну максимум третьей модели легко вынимал чековую книжку и нетерпеливо спрашивал: «How much?»

Но русские продолжали молчать.

Круглолицый блондин с пухлыми губками школьного вундеркинда прятал за очками свои голубые глазки тихого пакостника, а крепыш с короткой шеей сказал наконец, медленно подбирая английские слова:

– Can I... to drive... that car... myself? (Могу я порулить эту штуку?)

– Что? – Винсент повернулся к нему левым ухом.

– Он хочет порулить эту штуку, – пояснил голубоглазый очкарик с чистым британским произношением, демонстрируя свое оксфордское образование.

Робин тревожно посмотрел на Винсента, но тот и сам понимал, что к чему.

– That car – no way! – сказал он. – It cost too much! You couldn't afford it! – И кивнул на остальные машины, стоявшие в ряд перед верандой: – But any of these toys – be my guest! If you have a driver license, of course...

– Что он говорит? – по-русски спросил потный крепыш у своего приятеля.

– Он говорит, что тебе эта игрушка не по карману, а остальные ты можешь поводить. Если у тебя есть автомобильные права, конечно, – негромко ответил очкарик.

Крепыш сунул руку в карман своих грязно-серых шорт, извлек из него карточку платинового «Америкэн экспресс», молча бросил ее на стол в лужицу пива «Ханникер» и одним прыжком перевалил через ограду веранды прямо на кевларовый капот «Порше-XXI».

– Key! (Ключ!) – требовательно сказал он Робину.

Кларк и Гейбл сделали стойку рыча, а Робин вопросительно глянул на босса.

– It cost two hundred grands, – предупредил Винсент очка-

рика.

– Эта хуйня стоит двести тысяч зеленых, – перевел очкарик приятелю.

Но тот и бровью не повел.

– Key! – повторил он, протягивая руку к Робину.

– О’кей, – вынужденно и не столько звуком, сколько жестом разрешил Винсент.

Робин нехотя отдал русскому ключ от «порше», и тот стремительно, с прытью, неожиданной для его веса, нырнул в кабину машины, разом завел ее и бросил вперед таким рывком, что Робин едва успел отскочить в сторону, а ринувшиеся к машине Кларк и Гейбл только клацнули зубами.

– Hey! Fuckin’ idiot! – вскочил Винсент. – Ты еще ее не купил!

Но «порше», ревя двигателем, уже мчался в сторону джунглей – напрямую, в лобовую атаку на стену голых, без коры эвкалиптов, словно раненый носорог на стадо бизонов. Кларк и Гейбл с хищным лаем умчались за ним.

Робин непроизвольно схватился за голову – «Порше-XXI» был его последним детищем, в него было вложено шесть лет работы и выдумки, и весь его корпус был сделан из сверхлегкого и сверхпрочного кевлара.

Винсент застыл на месте с открытым ртом.

Русский на веранде снял свои очки и с интересом следил за «порше», в котором его друг должен был в следующий миг врезаться в десятиметровый в обхвате эвкалипт.

Но в тот момент, когда столкновение стало уже фатально-неизбежным, когда Робин закрыл глаза, а Винсент в ужасе поднял руки к последним жидким волосикам на своей голове, – в этот момент «порше» выпустил из-под днища короткие прямоугольники экранокрыльев, круто, как лягушка, оторвался от земли, в косом наклоне спланировал влево и, сделав на высоте пятнадцати метров крутой, но полный разворот, вернулся к стене эвкалиптов, а затем – явно в последнем напряжении своих трехсот сорока лошадиных сил – взмыл над верхушками деревьев.

Кларк и Гейбл сели на землю, подняв морды и озадаченно уставившись на взлетевшую, как тяжелая утка, машину.

Между тем «порше», перелетев через эвкалипты, тяжело шмякнулся где-то за ними прямо в болото, но не замолк, а, ворча как жук, выгреб из тины и вязи гнилых лиан и покатил, фыркая и пыля, вверх по обрывистому склону испытательного каньона – прямо на полосу перекрестного пулеметного огня и минных взрывов.

– Son-of-a-bitch! (Сукин сын!) – в сердцах выдохнул Винсент и сел наконец в кресло, вздрагивающей рукой стал лить себе пиво из бутылки, проливая половину на стол.

Кларк и Гейбл, потеряв интерес к сбежавшей машине, с индифферентным видом вернулись на веранду.

А Робин подумал, что у этого русского есть, конечно, не только автомобильные, но и пилотские права.

Через двадцать минут – пройдя сквозь всю чехарду об-

стрелов, взрывов, огневых и водных препятствий – грязный «порше» подкатил к веранде и затих в метре от нее, как изможденный бронтозавр.

– Вы заплатите за это, – сурово сказал Винсент русскому очкарику.

– Конечно, – спокойно отозвался тот и хорошо отполированным ногтем указательного пальца небрежно подвинул Винсенту платиновую карточку «Америкэн экспресс».

– Это класс! – появился из кабины «порше» второй русский, сияя всем своим крупным круглым лицом. – Потрясно! Really! Это класс! – Он протянул обе руки Робину и с силой пожал его руку. – Поздравляю! Ты гений! Замечательно! – И, похлопав Робина по плечу, повернулся к Винсенту: – О'кей, мы покупаем!

– Как я сказал, – ворчливо произнес еще не остывший Винсент, – двести тысяч баксов. И мы не можем доставить эту машину в Россию. Закон запрещает нам экспортировать вооруженные машины. Но мы можем перебросить ее в Мексику. Нелегально, конечно. И я дам тебе ключ от гаража в Мексике, где ты ее заберешь. А как ты переправишь ее оттуда в свою любимую Россию, меня не колышет.

– You not understuud! (Ты не понял!) – ответил русский увалень на своем жутком английском. Не обращая внимания на подошедших к нему Кларка и Гейбла, он тяжело поднялся на веранду, выудил из ведерка со льдом бутылку «Ханникера», откупорил ее, стукнув пробкой о поручень веранды, и

продолжил, опрокидывая себе в рот ледяное пиво прямо из горлышка: – We want bye everything! All business! (Мы хотим купить все, весь бизнес!) – В паузе меж глотками он широким жестом обвел все машины и остановил свою руку на Робине. – Вместе с ним! – И повернулся к своему приятелю: – Юра, объясни ему.

– О'кей, – сказал очкарик и объяснил на своем оксфордском английском: – Мы не мафия и не гангстеры. Мы не занимаемся ни легальной, ни нелегальной перевозкой машин. Мы бизнесмены и представляем русское правительство и ассоциацию московских банкиров. И вот наше предложение. Сейчас у нас, если вы слышали, каждый месяц убивают банкиров, бизнесменов, политических деятелей и даже губернаторов. То есть сейчас в России так, как в Чикаго в двадцатые годы. Поэтому одна или даже десять машин, которые вы можете переправить к нам через Мексику, погоды не делают. В одной Москве пятьсот банков, и каждый банкир хочет жить и может ради этого купить себе бронированный «мерседес». Я уже не говорю о министрах – московских, татарских, калмыцких и в других провинциях. И значит, есть прямой смысл открыть в Москве такую компанию, как ваша, то есть покупать «мерседесы» в Германии по оптовой цене и переделывать, бронировать их прямо у нас. Мы, как представители правительства, крайне заинтересованы в том, чтобы наши банкиры жили, а не погибали под пулями. Поэтому мы предлагаем вам создать совместное пред-

приятие. Скажем, «Russian-American Safe Way, Inc.». Наше правительство даст льготные условия, помещение, броневую сталь, кевлар и гарантию эксклюзивных прав торговли на территории всей страны. То есть никто, кроме нас, не получит лицензию на производство бронированных авто, вот и все. И доходы будут делиться пропорционально, об этом договорятся наши адвокаты. Но конечно, все это возможно только в том случае, если ваш гениальный механик поедет в Москву и поставит там это дело на ноги.

Винсент, похоже, не верил и своему здоровому уху. Еще бы! Ему предлагали совершенно легальный бизнес на территории почти в два раза большей, чем все Соединенные Штаты Америки! И это сейчас, когда он на крючке у колумбийской мафии, которой он проиграл весь этот бизнес всего за полтора миллиона долларов!

– Вы... вы серьезно? – спросил он, переводя глаза с очкарика на толстяка и обратно.

– Well, – сказал тот, – если пятьсот московских банкиров, способных хоть сегодня заплатить за машину по сто пятьдесят гран, для вас несерьезный рынок, то...

Робин встревоженно следил за этим разговором. Не может быть, чтобы Винсент и эти наглые русские одним капризным движением пальца решали его судьбу! Он, *он* должен ехать в Россию? Да они с ума сошли!

– У-у! – сипло промышчал он, обращаясь к Винсенту.

Но Винсент уже схватил жар-птицу за хвост – обсуждал

с русскими сумму их депозита в лондонскую адвокатскую фирму «Ллойд» и подсчитывал на салфетке сроки возврата вложений.

– У-у-у! – снова просипел Робин.

Винсент с досадой поднял глаза.

Робин энергичными жестами и вращением головы показал, что он не поедет ни в какую Россию.

Русские с удивлением воззрились на него, потом – на Винсента.

– Понимаете... Он не говорит... – вынужденно объяснил русским Винсент, одновременно пытаясь за их спинами жестами сказать Робину, чтобы он убрался ко всем чертям.

– Он псих? – нахмурился блондин.

– No! No! – поспешно сказал Винсент. – Он просто немой, вот и все. Но он все понимает. Иди к себе, Робин!

Однако, к его изумлению, Робин, знающий все оттенки голоса хозяина, на этот раз проигнорировал скрытый в голосе Винсента приказ. А, наоборот, еще упрямей заявил жестами, что не желает ехать в Россию.

– Я с ним потом поговорю, не беспокойтесь, – сказал русским Винсент, пытаясь увести их от Робина, но тут вмешался русский толстяк.

– Not worry, my friend! (Не беспокойся, друг!) – сказал он Робину. – Ты будешь нашим партнером. На десяти процентах. Понимаешь? – И он нарисовал пальцем в воздухе: – 10 pro cent. Тебе. To you. О'кей?

Робин с недоверием посмотрел на Винсента.

– Иди! Иди к себе! Потом поговорим! – нетерпеливо сказал ему Винсент. И увел русских в дом обедать.

3

Десять процентов – это не мелочь и не шутки телевизионных комиков по поводу беременности Мадонны. Десять процентов от продажи пятисот бронированных «мерседесов» по сто пятьдесят гран за штуку – это...

Впрочем – нет, этого не будет, он не может ехать в Россию. Он не может ехать в эту fucking Россию ни за семьсот пятьдесят тысяч, ни за миллион, ни даже за десять миллионов!

Робин плюхнулся на свой топчан, застеленный паласом из деревянных шариков, которые шофера надевают на спинки сидений. Спать! Выключиться из этой ситуации, отрезать от себя этих чертовых русских...

Но тут скрипнула винтовая лестница и из люка в полу возник Винсент Феррано.

– О'кей, – сказал он тоном отца, пришедшего укротить капризного ребенка. – What's up? Почему ты не хочешь ехать в Россию?

Действительно, это выглядело капризом, ведь они с Винсентом обслуживали клиентов и не в таких дырах – Экваториальная и Южная Африка, Филиппинские острова, Чили, Боливия, все арабские страны и эмираты. И всегда Робин легко и даже охотно отправлялся в дорогу, и там, в пекле арабских пустынь или африканских джунглей, ремонтировал свои «черепашки», устанавливал в них дополнительные

пулеметы, лазерные прицелы для мини-ракет и сверхмощные кондиционеры для охлаждения салонов. А для особо экстравагантных вождей пробуждающихся народов, склонных к эротике в своих автопутешествиях, – зеркальные потолки и даже походные ванны и биде...

Но теперь Робин категорическим жестом снова показал: Раша – но!

– But why? – настаивал Винсент. – Ты боишься морозов? Я куплю тебе меховое пальто...

Робин пренебрежительно отмахнулся, он не хотел ничего обсуждать, он не поедет ни в какую Россию – и точка.

– Слушай, – посерьезнел Винсент, начиная раздражаться. – Ты живешь здесь пятнадцать лет и не знаешь никаких проблем, верно? А все ебаные проблемы – мои! Кто покупает эти компьютеры, станки, кевларовые панели, броневую сталь, трехслойное стекло и остальную херню? – Заводя сам себя и заглушая в себе чувство вины, Винсент забегал по просторному чердаку, превращенному Робинем в первоклассное конструкторское бюро. – Кто построил тут все это? Actually, я сделал тут для тебя то, о чем эти русские только мечтали – коммунизм! Да! Ты делаешь здесь свои любимые игрушки и живешь как в раю – все даром! Конечно – ты творец, бля! Бертолуччи! А за все платит Винсент! Но за эти ебаные деньги я каждый день надрываю себе жопу... заткнись! – яростно отмахнулся он от Робина, пытавшегося жестами что-то ответить. – Я прав! Даже когда я был в

тюрье, ты жил тут на всем готовом! Но сейчас этому пришел конец – я проиграл этот бизнес! Да! В конце концов, это мой бизнес, я имею право продать его, раздать блядям или проиграть в карты! И знаешь, кому я его проиграл? Амадео Джонсону, колумбийцу! Да, тому самому, который купил твой лучший золотой «роллс-ройс» и в первый же день обоссал его из своего брендспойтного члена! Помнишь? Это его чувство юмора! Но у меня нет выхода – или я плачу ему полтора миллиона, которых у меня нет, или отдаю компанию. Вместе с тобой, понимаешь? Ты будешь работать на этого черномазого! Нет, будешь! И я тоже буду – сейлсменом, продавцом! От него не сбежишь! Ты знаешь, за что он сидел? Он изнасиловал семью фермеров в Неваде – сразу трех, одного за другим! Но не смог кончить, и после них трахнул их козу! Так что эти русские – наш последний шанс, просто подарок с неба! Если у них, конечно, есть деньги...

Выговорившись почти на крике, Винсент последнюю фразу произнес совсем иным тоном – устало и тихо, как суеверный игрок, который боится даже словом спугнуть удачу. Но тут же прикрыл свое отчаяние очередным раздражением:

– Shit! Почему у тебя нет тут ни бара, ни холодильника?!

Робин не ответил. Он сидел на своем топчане, глядя в одну точку. По тихим экранам компьютеров плыли глубины Интернета, в которых сомнамбулически ворочались модели новых, будущего года машин компаний «Крайслер», «Роллс-Ройс», «Мерседес-Бенц» и «Мицубиси». Да, похоже, этой

игре в бронированные «черепашки» действительно приходит конец. Откуда у этих русских сосунков полтора миллиона?

А Винсент стоял у окна, глядя в черноту теплой аризонской ночи и слушая дальний вой койотов.

– Fuck you! – сказал им Винсент, сунул руку за верхний наличник окна и нашел там свою собственную старую записку – огрызок сигары. Выудил из кармана джинсов золотую зажигалку «Кристиан Бернард», раскурил сигару и сказал Робину: – О'кей, мой друг. Они хотят, чтобы я перевез в Москву все наше оборудование и с ходу начал работу. А я сказал, что двинусь с места только под их полумиллионный залог на эскро-счете в лондонском «Ллойд». Но есть ли у них такие деньги или они такие же дутые, как я... Короче, если «Ллойд» получит от них полмиллиона, мы едем в Россию. А нет – значит, смазывай свою задницу вазелином. И мою тоже...

Винсент докурил сигару, выбросил окурок за окно и ушел вниз по лестнице – сгорбленный и враз постаревший.

Робин откинулся на жесткую подушку, закрыл глаза. О чем он думал? Об этом идиоте Винсенте, который продул в карты свою голубую мечту сделать сыновей адвокатами? О гориллоподобном Амадео Джонсоне? Или о России, куда ему нельзя ехать?

Сна не было, и в три часа ночи Робин встал со своего топчана и спустился по винтовой лестнице на первый этаж, на

веранду ранчо.

В густом небе аризоно-мексиканских прерий сияли звезды и хрустальная пыль Млечного Пути. Новорожденный и узенький, как нить, месяц обещал большие деньги – если позвенеть ему горстью мелочи, как в детстве. По-летнему, в полный голос сверчали цикады. И теплый мексиканский ветер шуршал пальмовыми ветками. Даже если покупать у немцев «Мерседесы-600» по оптовой цене в тридцать гран за штуку и еще двадцать тратить на их переделку и обшивку броней или даже кевларовыми панелями, сто штук чистой прибыли на каждой машине – да, эти русские умеют, оказывается, не только бомбить вьетнамские и афганские деревни. Пусть не полторы тысячи, пусть только тысяча долларов достанется Робину с каждой проданной машины – елки-палки! Неужели уже через два года он станет миллионером? Он, Робин Палски, «чокнутый на всю голову», «креси механик», безродный сирота, подброшенный недельным младенцем в кливлендскую церковь, он – миллионером? Прилетит в Кливленд на своем самолете, доверху заполненном детскими игрушками для кливлендского приюта, и будет катать на этом самолете всех тамошних детей, а потом подарит им – что? что еще, кроме игрушек, он подарит детям, которые живут в том детдоме, где он жил? Компьютеры? Видеоигры? Танковую дивизию заводных «гудерианов»? Тонну шоколада?

Он должен подумать. О, он придумает! Он придумает для

них что-то такое, специальное, как в Диснейленде! И, конечно, он поставит памятник мистеру Адамсу, директору приюта, который выпорол его, трехлетнего, когда он разобрал игрушечный «гудериан», подаренный приюту самим Айком Эйзенхауэром. Но выпорол не за то, что Робин *разобрал* эту игрушку, а за то, что он собрал ее без трех «лишних» частей! Хороший, красивый памятник он поставит мистеру Адамсу!..

Впрочем, стоп! Какого черта он размечтался, если ему нельзя, невозможно ехать в эту проклятую Россию?

Интересно, куда подевались Кларк и Гейбл, которым Винсент, приезжая на ранчо, всегда разрешает «побаловаться» по ночам? Неужели эти засранцы опять погнались за койотами в Мексику?

Миллион долларов! Нет, это нереально. И вообще деньги никогда его не прельщали. Он был бедняк по рождению и по воспитанию. Люди, имеющие большие деньги, были для него людьми из другого мира: сначала – в детстве – неизвестного ему, потом – в юности – недоступного, а в зрелости – как бы отстраненного и отчасти даже презируемого. Так любой вегетарианец презирует мясоедов, так воспитанный в религиозном пуританстве стоик отвергает и презирует соблазны клубов «гоу-гоу» и стриптиз-баров.

А этот миллион (МИЛЛИОН!) долларов – просто красивая мечта, пролетевшая, как комета в ночном небе.

Робин впервые пожалел, что не курит. Наверное, нужно

выпить. Он прошел в глубину веранды, открыл бар, взял початую бутылку виски и отхлебнул прямо из горлышка. И собрался сделать еще глоток, когда услышал хруст песка под чьими-то тяжелыми шагами. Он взгляделся в темноту и не поверил своим глазам – там, с юга, из прерий широким и уверенным шагом двигался в темноте этот чертов русский «Баффало буллс». На его левом плече дулом книзу болтался семизарядный карабин с оптическим прицелом ночного видения, а на правом – два крупных зайца, связанных ремешком по задним ногам. И рядом с этим русским весело, как заискивающие щенки, бежали свирепые винсентовские питбули Кларк и Гейбл.

– Ні! – сказал русский, шумно взойдя на веранду, бросил на стол зайцев и карабин и рухнул в кресло. – I tied! (Я устал!)

Еще бы! – подумал Робин. Если он не слышал выстрелов, то можно представить, как далеко уходил в прерии этот русский!

Русский протянул руку за бутылкой виски и, получив ее, тут же сделал три больших глотка прямо из горлышка.

– Good! – сказал он, утерев губы. – You have great country! Wonderful! (Отличная страна! Замечательная!) – Он протянул Робину руку и продолжил по-русски: – Джордж. Георгий. Меня зовут Георгий Брух. А тебя? Как тебя звать, партнэр?

Изумляясь, как легко он понял этот русский вопрос, Робин своим рабочим фломастером написал на столе:

«MY NAME IS ROBIN PALSKY».

– Good! – сказал Джордж и посмотрел на часы. – Four o'clock! So it nine in London, yes? (Четыре часа. Значит, в Лондоне сейчас девять, так?)

Робин кивнул.

Брух вытащил из кармана телефон «Моторолу» и с привычной легкостью набрал какой-то длинный, пятнадцатизначный номер. Послушал и сказал в трубку:

– Алло! My name George Bruch! You recive five hundred sausand from my bank in Moskau? Yes? Senk you! – Он выключил телефон и сказал Робину: – О'кей, иди буди своего шефа – пятьсот штук уже у «Ллойда» в Лондоне! И не забудь теплые вещи – у нас еще зима в России. Зима, понимаешь? Вэри колд!

Как ни странно, Робин абсолютно не удивился тому, что этот русский так легко перебросил полмиллиона долларов из «своего» московского банка в лондонскую адвокатскую фирму. Его больше изумило то, что он второй раз совершенно запросто понял все, что сказал ему этот Брух по-русски.

Амадео Джонсон долго читал ллойдовский факс насчет эскро-счета и даже разглядывал его на просвет – он любил прикинуться дебиллом, что при его внешности выглядело куда натуральней, чем странное наличие острого ума в этом гориллообразном гиганте. Потом, отъехав на кресле от своего стола к свету – к стеклянной стене своего кабинета на тридцать третьем этаже небоскреба «Санта-Фе траст сэвинг бэнк», он медленно, по слогам, стал читать «Протокол о намерениях», подписанный Винсентом Феррано, президентом «Сэйф уэй, инк.», Георгием Брухом, генеральным директором российского акционерного общества «Земстрой», и Юрием Болотниковым, председателем Московского Федерального Банка, о создании совместного предприятия «RUSAM Safe Way International, Inc.» с лицензией российского правительства на монопольную торговлю бронированными автомобилями на всей российской территории. Конечно, он уже давно сообразил, какие доходы (и перспективы для его картеля) сулит эта затея, а теперь, ведя огромным, как у Кинг-Конга, пальцем по строкам «Протокола» и беззвучно шевеля своими толстыми, как лангусты, губами, он просто прикидывал, что ему выгодней: отнять у Винсента его компанию сейчас или дать ему отсрочку уплаты долга и возможность поставить на ноги этот бизнес в Рос-

сии – с тем чтобы доить его все последующие годы.

– Ну да?.. Странно... Неужели?.. – произносил Амадео в паузах меж словами «Протокола», нагнетая страху на Винсента и забавляясь своей игрой в безграмотного негритоса. Конечно, если оставить Винсенту его компанию «Сэйф уэй», есть опасность, что Винсент за пару лет выплатит долг и выскочит из рук – на что, собственно, и рассчитывает сейчас этот олух, потев от страха в кресле у письменного стола – стола, поднятого на полметра выше обычного из-за баскетбольного роста хозяина. Эффект, производимый этим столом на посетителей, всегда забавлял Амадео – стоило им сесть за этот монолит, как они оказывались в роли детей или лилипутов, поскольку крышка стола была им по плечи.

Часы на декоративном камине тихо звякнули, показывая полдень. Амадео, как по сигналу, отвел руку в сторону, к высокой, на колесиках корзине, достал из нее баскетбольный мяч и, не глядя, швырнул его через весь кабинет в кольцо, укрепленное на противоположной стене. Пролетев сквозь кольцо, мяч попал в пластиковую трубу, скатился по ней назад в высокую корзину на колесиках и, по дороге нажав на скрытую пружину, выбросил перед Амадео откидную руку-протез с кубинской сигарой.

– Thank you, – удовлетворенно сказал протезу Амадео, вынул сигару из капсулы, плотоядно размял ее, откусил один конец щипчиками и жестом попросил у Винсента огня. – Бросаю курить, – объяснил он Винсенту связь между часами,

баскетбольным мячом и сигарой, которую он получал только в случае точного попадания в кольцо.

Винсент услужливо чиркнул своей золотой зажигалкой.

Амадео скосил на нее глаза, потом легко отнял ее у бессловесного Винсента, внимательно рассмотрел красивую гравировку фирмы «Кристиан Бернارد» и сунул в карман своего прекрасного, цвета сливочного мороженого, костюма. В сочетании с темно-синей рубашкой, двухсотдолларовым галстуком и бриллиантовыми запонками от «Бугалофф» этот костюм вполне годился для выступлений на шоу высокой мужской моды.

– О'кей, – сказал Джонсон, раскуривая сигару. – Скажу прямо. Я могу отнять у тебя весь твой бизнес, как эту зажигалку – легко, ты даже не пикнешь. Но кого я вместо тебя отправлю в Россию? И захотят ли русские работать с моим человеком? А с другой стороны, где у меня гарантии, что ты и в России не проиграешь этот бизнес еще раз? Я слышал, у них там теперь тоже есть казино и рулетки. Заткнись! – предупредил он попытку Винсента вставить хоть слово. И продолжил задумчиво: – Да, риск большой... О'кей, мы сделаем так. Я дам тебе отсрочку по долгу на двенадцати процентах годовых под залог твоего дома и ранчо. Да, и дом, и ранчо со всеми авто – а как ты думал? Зато ты останешься хозяином своего бизнеса. Правда, каждый месяц будешь давать мне отчет о работе. Но если я узнаю, что ты зашел в казино – просто зашел, ничего больше! – все, покупай себе место

на кладбище.

– Девять процентов, Амадео! – попросил Винсент.

– Fuck you, – усмехнулся Амадео.

– Пожалуйста!

– Даже не пытайся. И не рассказывай мне о своих сыночках, бля! Я не учился ни в каких ебанных колледжах и ни хуя, как видишь, на жизнь не жалею. Кстати, где ты запарковал свой «ламборджини»? Внизу?

Винсент кивнул. Амадео требовательно протянул руку:

– Ключи и регистрационную карточку! – И пока Винсент с убитым видом вынимал из кармана ключи от машины, а из кошелька регистрационную карточку, Амадео продолжал назидательно: – Да, жизнь жестока, мой друг. Это в тюрьме у нас было время шутить. А сейчас – все, что я могу, – это отдать тебе зажигалку. Все равно она из фальшивого золота. Гуд бай, Винни. Мой адвокат сидит этажом ниже, иди подпиши у него все бумаги. – Амадео баскетбольным броском вернул Винсенту его зажигалку и вдруг сказал, словно только что вспомнил: – О, между прочим! Ты видел этого Зускина? Сколько он тебе заплатил за то, что я его не трахнул? – И расхохотался при виде растерянного лица Винсента. – О нет, нет! Я не отнимаю у друзей их мелкие доходы. Просто интересно, во сколько этот fucking scum ценит свою еврейскую задницу? – И, не ожидая от Винсента ответа, паснул ему по столу два четвертака: – Будь другом, брось в счетчик у «ламборджини».

Выйдя из «Санта-Фе траст сэвинг бэнк» и опустив монеты в счетчик возле роскошного «ламборджини», который до сей минуты был его главной визитной карточкой, эполетами успеха и самой верной наживкой для клиентуры, Винсент отошел шагов на сто по улице и вдруг в сердцах боднул головой рекламную тумбу.

– Идиот!.. – простонал он. – Идиот!..

Мимо, сияя лакированными крыльями, безучастно тек поток чистеньких калифорнийских «лексусов», «мерседесов», «фerrари» и «БМВ». Их вели молодые, удачливые и талантливые победители жизни. И никто из них не смотрел по сторонам, никто, как и сам Винсент всего пару дней назад, не видел, не знал и знать не хотел тех, кто слетел с дороги в кювет, на тротуар, на обочину. Только какой-то пацан-посыльный притормозил свой велосипед и с интересом уставился на Винсента, бодающего тумбу.

– Что?! – сказал ему Винсент. – Думаешь, ты умный? Ты тоже идиот! Умные вон там сидят, наверху! – Он показал на самый верх небоскребов. – Но ты не попадешь туда на своем велике, никогда!

– Fuck you, – сказал ему пацан.

– Fuck yourself! – заорал Винсент и рванулся к этому юному мерзавцу, но тот легко врезался на своем велике в поток машин и укатил, смеясь и показывая ему палец через плечо.

– Fucking idiot! – Винсент сунул руку в карман, но там уже

лет десять как не водилось никакого оружия. В ярости он выхватил из кармана зажигалку «Кристиан Бернارد» и изо всей силы запустил ею в обидчика.

Стукнувшись о крышу туристического автобуса, зажигалка попала под колеса какой-то машины и исчезла вместе с улизнувшим на велике посыльным.

Да, что бы там ни говорили литературные снобы, но есть нечто завораживающее в слове «миллион»! Послушайте: мил-ли-он! Нет, не так, а так:

М-И-Л-Л-И-О-Н!!!

Великое слово! Спросите любого Сороса, Мердока, Линча или Якокку, и они вам скажут: самое трудное, но и самое challenging, самое захватывающее и упоительное – сделать первый миллион! Это стремление к миллиону заложено в гены и кровь каждого американца, как у птиц инстинкт миграции. Человека, который не мечтает сделать миллион, в Америке просто не существует. Американец может быть истовым монахом, раввином или баптистским священником, смирать свою плоть йогой, вегетарианством или сыроедством, быть рьяным борцом за расовое равноправие, профессором астрономии или марксизма, демократом, лидером мэйнских пуритан, глухонемым, хиппи, обитателем богемных арт-студий Сохо или заброшенных туннелей нью-йоркской подземки, он может бояться высоты, закрытых помещений, крыс, летучих мышей, коммунистов, извращенцев и ночных грабителей; он может пребывать в отчаянии, сплине, любовном томлении или даже на полпути к оргазму, но в тот миг, когда вы покажете ему, как заработать миллион, он бросит все: науку, политику, Бога, искусство и даже любовь

– и засучив рукава полетит тушить нефтяные пожары в Кувейт, мыть руду на Аляске или орошать своим потом пустыни Аризоны. Не зря, согласно последней переписи, миллионеров в США – ровно миллион! То есть каждый двухсотый американец уже прошел огни, воды и медные трубы и сделал эту сумму! Воистину великая, *миллионерная* нация! Нация азартных предпринимателей, дерзких игроков и неунывающих потенциальных миллионеров!

14 февраля Винсент Феррано подписал у Амадео Джонсона кабальную закладную на весь свой бизнес, дом и ранчо, а уже 23 февраля он и Робин Палски вылетели из Нью-Йорка в Москву каждый за своим миллионом. При этом Винсент Феррано летел, конечно, первым классом – на деньги, полученные у Эзры Зускина, и ради престижа своей первой международной фирмы. А Робин – с короткой двухнедельной бородкой и усами, которые постоянно чесались, – сидел в салоне эконом-класса. В грузовом отсеке «Боинга-767» авиакомпании «Дельта» их сопровождал двухсоттысячный «Порше-XXI» с английскими и русскими вензелями «Safe Way/Надежный путь» на капоте и багажнике – Винсент собирался раскатывать в нем по Москве, рекламируя свою продукцию.

Погрузка бронированного «Порше-XXI» – одиннадцать тысяч долларов за авиаперевозку (без страховки) и закупка зимней одежды у «Братьев Брукс» на Мэдисон-авеню – парадные смокинги для встреч на высшем уровне, деловые

блейзеры и костюмы для работы в офисе, три дюжины белых сорочек, галстуки, теплое нижнее белье, ботинки WarmButs, меховые шапки, рукавицы и теплейшие канадские дубленки – все это плюс оформление визы в российском консульстве на Девяносто первой улице задержали Винсента и Робина в Нью-Йорке на трое суток, но зато теперь они летели в Москву, одетые как нансеновская экспедиция и готовые к встрече с русскими покупателями и знаменитыми русскими морозами. «Если твой клиент стоит миллион, то ты должен выглядеть на два, иначе он не купит у тебя даже туалетную бумагу!» – учил Винсент Робина азам торговли машинами. Правда, скорострельный пулемет и самонаводящиеся ракеты пришлось из «порше» изъять по требованию американской таможни и заодно дать таможенникам гарантийное письмо о том, что эта машина не экспортируется, а летит в Россию лишь в качестве экспоната, как наглядное пособие будущей продукции «Рос-Ам сэйф уэй». Но гарпуны, газовые и жидкостные баллоны, сети с шипами и прочая начинка мелкими средствами самозащиты у «Порше-XXI» остались, вызвав острую зависть охранников службы безопасности Американского федерального казначейства, которые на глазах у Робина и Винсента переносили из своего инкассаторского броневишка и укладывали в металлические контейнеры брезентовые и опечатанные свинцовыми пломбами мешки с валютой для русских банков. Эти контейнеры грузчики аэропорта поднимали в грузовой сейф-отсек «Боинга». Следя за

найтовкой своего «Порше-XXI» в соседнем отсеке и одновременно косясь на мешки с деньгами, Винсент Феррано, усмехнувшись, сказал Робину:

– Оказывается, можно не ездить в Россию за миллионом.

Бери тут эти деньги, и все!

– Конечно! – сказал «дельтовский» механик, наблюдавший за погрузкой валюты вместе с сотрудниками таможенной и охранной служб. – Три миллиона в мешке. Хватай и деру!

Уложив в отсек три контейнера, банковские грузчики заперли его не бог весть какими хитрыми запорами и пломбами, получили у механика самолета и службы безопасности «Дельты» подписи на погрузочных документах и укатили на своем броневичке, оставив отсек с шестнадцатью мешками валюты под присмотром «дельтовской» охраны.

– И то хорошо! – сказал на это Винсент. – Заодно и нашу игрушку охраняют бесплатно.

Но охранники торчали под самолетом только до вылета, а еще точнее – до рулежки самолета ко взлетной полосе. А потом никакой охраны не было – ни у мешков с деньгами, ни у «Порше-XXI», ни, тем паче, у чемоданов пассажиров, занимающих еще два грузовых отсека «Боинга». И это не давало Винсенту покоя на всем протяжении полета. Даже и через пять часов после вылета, то есть глубокой ночью, когда все пассажиры спали в темном салоне, как куры в темном курятнике, а Робин, шевеля губами, читал самоучитель «*The Real*

Russian Tolstoy Never Used» («Настоящий русский язык, которым не пользовался Толстой»), Винсент приходил к нему из салона первого класса и ворчал:

– А я не могу спать! Я не могу спать, когда у меня под жопой почти пятьдесят миллионов баксов! Они жгут мне задницу! Как они могут перевозить такие деньги без всякой охраны?! Это преступление против человечности!

Робин тоже удивлялся. Отвлекаясь от страхов приземления в России, его мозг механика уже давно нашел как минимум три слабых места в охране сейф-отсека «Боинга», и он тут же стал изобретать меры защиты, которые он принял бы, будь он на месте конструкторов «Боинга» или охранников «Дельты».

– How to tell «idiots» in Russian? – спрашивал Винсент. (Как сказать «идиоты» по-русски?)

Робин заглянул в словарь русского самоучителя и показал:

«Идиоты».

– Неужели? – изумился Винсент. – Тогда что ж ты учишь всю ночь? – И ушел в свой салон, сокрушаясь на ходу: – Пятьдесят миллионов! Прямо под моими ногами! Unbelievable!..

6

– Через пару минут мы сядем в московском аэропорту «Шереметьево», – весело сказал по радио командир корабля. – Погода в Москве, как всегда – дождь, снег и еще какая-то дрянь. Но «Дельта» не несет за это ответственности. Лично я не видел тут солнца с прошлого августа. Однако вам, я надеюсь, повезет больше, чем мне. Добро пожаловать в матушку-Россию, друзья. Русское гостеприимство – лучшее в мире!

Опытные пассажиры засмеялись, самолет чиркнул колесами и покатил по полосе, весь самолет заплодировал, а Робин и Винсент прильнули к иллюминаторам. Там действительно шел дождь со снегом.

– Oh, shit! – сказал Винсент.

Самолет подкатил к аэровокзалу, заштрихованному мокрой пургой. Регулировщик с флажками и два пограничника с «калашниковыми» на груди, вздернув плечи, безуспешно прятали уши в короткие воротники своих бушлатов. При виде их у Робина загремело сердце и подвело живот. Но тут старшая стюардесса сказала по радио:

– От имени нашей команды благодарю вас за полет и надеюсь, что вы всегда будете летать только «Дельтой». Мы, во всяком случае, вами очень довольны. Следите за своим багажом или, как говорят китайцы, *не спускайте с него глаз* ни

в аэропорту, ни в отеле. Два дня назад у меня тут свистнули шапку еще до того, как я прошла таможеню! Желаю удачи! Dobro pozhalovat v Moskvu-uuu!

Пассажиры вскочили с кресел и, достав с багажных полок свои портфели, сумки и теплые пальто, сгрудились в проходе, спеша к выходу. И только Робин оставался в кресле, откладывая до последнего роковой миг своей встречи с российской землей. Закрыв глаза, он приказывал себе встать и пойти на выход вместе с потоком пассажиров. Но – не мог... Теперь, когда русские пограничники и солдаты были всего в нескольких шагах от него, он чувствовал, как разом стали ватными его ноги и липкий пот покатил под коленками. Зачем, зачем он согласился на эту поездку?! Какой идиотизм, какая детская глупость эта его борода и нелепые усы! Ведь они вызовут у русских еще большую подозрительность...

– Ты слышал, что она сказала про багаж? – прозвучал над ним голос Винсента. – Что ты сидишь?! Мы не можем доверять русским грузчикам! Мы должны сами следить за разгрузкой «порше»! Иначе они раскурочат машину, а у нас даже нет страховки! Пошли! Быстрее!

Оторвав себя от сиденья, Робин обреченно поплелся за Винсентом.

И тут же, в дверях самолета, напоролся на пристальный взгляд молодого русского пограничника в ватном бушлате и с «калашниковым» на груди, стоявшего в рукаве прохода к аэровокзалу.

Робин замер.

– В чем дело? Пошли! – потянул его Винсент.

Пройдя в здание аэровокзала, пассажиры оказались на лестнице, ведущей в полутемный накопитель паспортного контроля. Низкие потолки этого зала были сделаны не то из обрезков газовых труб, не то из гильз пушечных снарядов. Перед стеклянными будками пограничников стояли длинные очереди американцев и прилетевших одновременно с ними шведов и корейцев. Молодые каменнолицые пограничники тратили на проверку каждого паспорта по пять минут. Робин при виде этого совершенно упал духом, ведь во всех аэропортах мира пограничники при виде американского паспорта мгновенно говорят: «Проходите!» и «Добро пожаловать!».

А Винсент нервничал совсем по иной причине.

– Если они раскурочат наш «порше», я буду судить их на миллион долларов! – И поворачивался к Робину левым ухом: – Что ты сказал?

«Ничего», – показал Робин.

– Нет! Это невероятно! Мы стоим тут уже сорок минут! За это время можно раскурочить даже «Шаттл»! Посмотри на их потолки! Они наклепали столько снарядов, что уже пользуют их вместо кирпичей!

Наконец подошла их очередь. Винсент стремительно ринулся к будке, шлепнул перед пограничником свой паспорт, листок с российской визой и билет. Слева, за будкой пас-

портного контроля, в зале получения багажа без всякого движения замерли четыре багажных транспортера, забитых чемоданами с трех международных рейсов. В поисках своего багажа пассажиры бродили от одного транспортера к другому и рылись в грудах чемоданов, как бездомные в мусорных урнах. Найдя свой багаж, они отправлялись на поиски багажных тележек, но тележки были только у русских грузчиков – хмурых, небритых и требовавших по десять долларов за свои услуги. Пассажиры, не веря своим ушам, отшатывались от них и по грязно-бетонному полу сами волокли свои чемоданы к стойкам таможенной проверки.

Винсент в ужасе уставился на эту процедуру. Между тем юный пограничник взял его паспорт и визу, набрал на какой-то клавиатуре его имя и фамилию и стал молча сличать фотографии на паспорте и визе с оригиналом. Но Винсент на этих фото был снят в фас, а теперь стоял перед пограничником в профиль.

– Посмотрите на меня, – сказал ему пограничник по-русски.

– What? (Что?) – повернулся к нему Винсент левым ухом. И снова оказался в профиль.

– Pleez... luuk... tu heer! (Пожалуйста... смотрите... сюда!) – Пограничник покраснел от умственного напряжения.

– Oh, I hear you! Absolutely! – ответил Винсент, старательно вытягивая шею через стойку, чтобы левым ухом быть поближе к пограничнику.

Короткий гудок и вспышка зеленого глазка под стойкой сообщили тому, что американский гражданин Винсент Феррано не числится в списках Интерпола, ФСБ и Уголовного розыска Российской Федерации и может быть пропущен на территорию страны. Пограничник шлепнул красный чернильный штамп в паспорт и в листок российской визы.

– Проходите.

– What? (Что?) – Винсент наконец повернулся к нему лицом.

– You go! (Иди!) – рявкнул пограничник.

– Почему он кричит на меня? – спросил Винсент у Робина, подошедшего к будке со своим паспортом.

Но Робин даже не слышал Винсента. Он положил свой паспорт на стойку паспортного контроля, мысленно прикидывая, как ему ринуться по лестнице назад в самолет, когда два или три солдата КГБ явятся его арестовывать.

И в этот миг к будке подскочила запыхавшаяся и худая, как метла, большеглазая женщина лет тридцати, в полураспахнутой куртке из кожзаменителя, темной шерстяной юбке ниже колен, сморщенных колготках и грязных меховых полусапожках.

– Mister Ferrano! Mister Palsky! Why you're here? I'm waiting for you at the VIP exit! Your luggage is already there! My name is Sasha, I mean Alexandra! I'm Mr. Bruch' press-secretary! But from now on I am your guide and trouble-shutter! Mister Bruch and Mister Bolotnikov send me here to meet you!

(Мистер Феррано! Мистер Палски! Почему вы здесь? Я жду вас у зала «ВИП»! Ваш багаж уже там! Меня зовут Саша, то есть Александра! Я пресс-секретарь Бруха! Но с сегодняшнего дня я ваш гид и администратор! Мистер Брух и Болотников послали меня вас встретить!) – И, подтянув сморщенные на коленях колготки, повернулась к пограничнику, проверявшему документы Робина, сунула ему какую-то бумажку. – Пожалуйста, быстрее! Это «ВИП», гости правительства! Вот пропуск, подписанный начальником таможни!

Пограничник с непроницаемым лицом дождался короткого гудка и вспышки зеленой лампочки, шлепнул штамп в паспорт и на визу Робина и молча положил их на стойку. Но Робин еще не мог поверить своей удаче – неужели его вот так, без всяких пусканий в Россию? Или это просто ловушка КГБ: они впускают его к себе в страну, чтобы потом...

– Мы не едем ни в какой отель! – услышал он голос Винсента и невольно поразился разом происшедшей с его боссом перемене: еще час назад, в самолете, это был уважаемый и заносчивый итальянец, пассажир салона первого класса. Затем, стоило ему оказаться в России наедине с русскими пограничниками, как он превратился в маленького и трусливого итальяшку. А теперь, когда за ними примчалась эта Саша-Александра, он, смерив ее уничижительным взглядом, опять раздулся пуще прежнего. – Мы должны немедленно осмотреть нашу машину в грузовом отсеке! – заявил он ей. – Мы не можем доверять вашим грузчикам! Мы хотим

сами проследить за разгрузкой! Почему Юри и Джордж не приехали нас встречать?

– Don't worry! Все в порядке! – терпеливо сказала Александра. – Сейчас мы поедem к самолету и вы проследите за разгрузкой! Here to go, please! – Она повела их через таможенную и темную толпу встречающих, говоря по-русски: – Пропустите! Дорогу! Это «ВИП»!

При выходе из аэровокзала даже у Робина дыхание перехватило от резкого запаха бензина, смешанного со снегом и ледяным ветром, режущим лицо. А Винсент просто закашлялся, покраснев от натуги.

Александра замахала руками куда-то вдаль, вверх машин, толпящихся у входа в аэровокзал. Там, вдали массивный на фоне московских малолитражек черный «линкольн» включил фары, а на крыше – какую-то синюю, как у полиции, лампу-мигалку и, расшвыривая ревуном русские «Волги» и «Жигули-фиаты», стал пробиваться к Александре.

«А как насчет наших чемоданов?» – вспомнил и жестами показал Робин.

– Чемоданы? – догадалась Александра. – Don't worry! Не беспокойтесь, они уже в машине. – И распахнула перед ними дверцу «линкольна».

Продолжая кашлять, Винсент повалился на сиденье.

– О Боже! Ну и воздух! Как вы тут живете? Нет, я хочу домой! Как только мы подпишем контракт, я рву отсюда к ебаной матери! Извините, мадам...

Даже по его ироническому «извините, madam» было видно, насколько она ему противна и как он тут все презирает.

– Куда мы едем? – сказал он безразлично.

Но тут он и сам увидел, куда они едут. Машина миновала какие-то ворота со шлагбаумом и напрямик покатила к «Боингу» компании «Дельта». Из его грузовых отсеков уже шла разгрузка: русские таможенники тащили трехмиллионные брезентовые мешки с валютой прямо по мокрому асфальту и зашвыривали их в полосатый желто-зеленый броневилок – точно такой, как у охранников Американского федерального банка в Нью-Йорке. А диковинный «Порше-XXI» грузчики, матерясь, безуспешно пытались вручную развернуть в грузовом отсеке и столкнуть на металлические сходни. Но стоило им подналечь и оторвать колеса машины от дюралевых панелей пола «Боинга», как «порше» взревел сиреной.

– Эй, идиоты! Подождите! – закричал им из машины Винсент. И повернулся к Робину: – Смотри, что эти бляди делают!

Робин достал из кармана ключи от «порше», нажатием кнопки на брелке выключил сирену и, выйдя из машины, взбежал по сходне в грузовой отсек самолета, жестом отстранил русских от своей «черепашки». Затем сел в кабину, включил двигатель и тягу центрального домкрата, развернул на этом домкрате «порше» на 90 градусов, опустил на колеса и на глазах изумленных русских грузчиков съехал по сходням на землю.

– Ни хера себе! – сказали русские грузчики. – Ебаный американец!

– What did they say? (Что они сказали?) – подозрительно спросил Винсент у Александры.

– Oh, nothing! (О, ничего!) – ответила она. – Они говорят: какая прекрасная американская машина.

Робин посмотрел на нее и усмехнулся: он понял, что сказали русские грузчики, ведь это и был «The *Real Russian Tolstoy Never Used*».

А на следующий день в Москве, как по заказу, установилась замечательная солнечная погода с легким и даже приятным морозцем. Юрий Болотников и Георгий Брух наперебой демонстрировали гостям российскую столицу. Они возили их на Воробьевы горы... по Новому и Старому Арбату... по Тверской... Водили по царским хоромам в Кремлевском дворце... Кормили в «Царской охоте», в ресторане Дома писателей и в китайской «Пенте»... Хвастались «Макдоналдсом» на Тверской и своими офисами на Манежной площади и на Ильинке... Предложили под «Рос-Ам сэйф уэй» двухэтажный особняк на Пречистенке, бывший Дом политпросвещения работников мукомольной промышленности – с большим залом, деревянной пристройкой и удобным двором для сооружения мастерских и гаража... И поселили напротив Кремля, в лучшем московском отеле «Националь», в «люксе» на пятом этаже рядом с плавательным бассейном и гимнастическим залом...

Винсент цвел и каждый вечер звонил жене в Лос-Анджелес, рассказывал об этом королевском приеме. Жена у него была из обнищавшего флорентийского графского рода и презирала себя за брак с этим сицилийским «парвеню», а Винсент всю жизнь старался успехами в бизнесе компенсировать в ее глазах свое плебейское происхождение и то фи-

зическое охлаждение, которое установилось меж ними давным-давно, сразу после рождения их третьего сына, и оба они знали почему: три беременности прибавили Корделии сто сорок паундов, которые она поленилась сбросить. «Ради чего? – говорила она. – Чтобы родить еще одного бандита? Боже мой, на кого я потратила свою молодость! Разве ты способен обеспечить детям приличную жизнь? Отнять жизнь – вот на что ты способен! Да, ты отнял у меня жизнь! Чтоб они взорвались, все твои mafioso merdoso¹, и ты вместе с ними!» Но Винсент прощал ее, ведь она подарила ему трех сыновей, трех! А уж сделать из них адвокатов с дипломами Корнеллского университета – это дело его, Винсента, чести!..

Тем временем Робин отходил от своих страхов перед Россией, вживался в непривычную для него роль важной персоны и привыкал к обращению «мистер Палски» вместо обычного «Робин». С любопытством инопланетянина, чудом совершившего мягкую посадку на враждебной планете, он впитывал теперь все, что видел из окон машины и отеля: темную одежду этих русских... их руки, постоянно оттянутые какими-то сумками... бесчисленные уличные киоски с водкой «Ройял» и коньяком «Метакса»... огромное количество молодых парней в камуфляже... ряды нищих женщин, торгующих у станций метро самым немислимим барахлом – от пачки «Мальборо» и палки колбасы до котят и щенков... снова солдат с оружием... девчонок, на морозе сли-

---

¹ мафиозные ублюдки (*ит.*).

зывающих мороженое... «Мерседесы», «БМВ», «вольво» и «форды», с сиренами и мигалками летящие по центральному улицам... и реклама «Мальборо» и кока-колы на перекрестках...

Как и всех новоприбывших иностранцев, Москва пугала Робина и Винсента обилием курящих и вооруженными патрулями на улицах, угнетала нищетой детей, клянчивших деньги в подземных переходах, и дразнила обилием «мерседесов» и ночных казино...

Торжественная церемония подписания контракта состоялась в конференц-зале Московской мэрии. Господа Винсент Феррано и Робин Палски были в смокингах, их переводчица Александра – в глухом, как гроб, черном платье, которое топорщилось ее худыми плечами, а остальные русские – в чем попало: кто в костюмах, а кто в шерстяных свитерах и джинсах. Впрочем, российский министр экономики и легендарный московский мэр были в строгих двубортных тройках. Мэр Москвы сказал, что новое российско-американское совместное предприятие является серьезным шагом на пути укрепления деловых и партнерских отношений между США и Россией. Министр экономики подчеркнул, что появление «Рос-Ам сэйф уэй интернешнл» именно в Москве демонстрирует заботу Московской мэрии о развитии и безопасности молодой банковской системы всей страны накануне решающего часа в истории России – президентских выбо-

ров. Вице-президент ассоциации московских банков Юрий Болотников сообщил (со свойственным ему даже в русском языке оксфордским произношением), что в московских банках сосредоточено девяносто процентов денег всей России, и банкиры никогда не забудут заботу правительства по созданию московского «Сэйф уэй, инк.» в период ожесточенной схватки демократии с коммунистическими реваншистами. Американский посол в Москве, вынужденный приехать на эту церемонию вопреки шифровке ФБР о связях Винсента Феррано с калифорнийской мафией и только для того, чтобы не усугублять свой конфликт с московским мэром, построил свою речь без упоминания фирмы «Сэйф уэй» и имени ее хозяина. Он сказал, что хотя американские бизнесмены с тревогой следят за результатами общественных опросов в России и рейтингом ее нынешних политических лидеров, они не сомневаются в победе демократии на президентских выборах и сохранении экономической стабильности в России. «Подписание этого контракта – наглядный тому пример!» – сказал посол.

После посла слово получил президент компании «Сэйф уэй интернешнл, инк.» господин Винсент Феррано. По мере того как Александра переводила ему выступления предыдущих ораторов, он все больше проникался сознанием своей исторической значимости. Воистину наступил его звездный час! Дюжина кинокамер российских и западных телекомпаний, включая Эй-би-си, Би-би-си, Си-эн-эн, были нацелены

на него. Три десятка микрофонов корреспондентов российской прессы, «Нью-Йорк таймс», радио «Свобода», «Лос-Анджелес таймс» и т. д. и т. п. ждали его слов. Единственное, что его раздражало, это вынужденное соседство с этой «метлой» Александрой – он даже непроизвольно отстранялся от нее, но она, исполняя свой долг переводчицы, не отлипала от него, скороговоркой тарабаня ему в ухо перевод всех выступлений. Впрочем, кинокамеры будут снимать его, а не ее. Раздувшись так, что купленный в Нью-Йорке смокинг мог лопнуть по швам, Винсент встал к микрофону. Он уже разобрался в русской иерархии: после российского президента московский мэр Йю Лу Жж является, безусловно, вторым человеком в этой стране – не только американский посол, но даже министр экономики Я Син заискивал перед ним в своей речи. Впрочем, оно и понятно: тот, кто контролирует банки, контролирует все, даже министра экономики. И он, Винсент Феррано, не упустит своего шанса...

– Ladies and gentlemen! My dear friends! – сказал он и подождал, пока Александра перевела на русский. – Я действительно горжусь тем, что я здесь. Ни для кого не секрет, что наши страны очень долго вели между собой холодную войну. Но кто от этого выигрывал? Кто делал на этом деньги? Только те, кто производил пушки, снаряды и пули. Кто производил смерть. Однако, слава Богу, холодная война кончилась. Остались, правда, русские морозы – вон там, за окном, бррр! – Он переждал добродушный смех в зале и за сто-

лом на сцене. – Но лето вот-вот настанет. А кто делает деньги летом, на теплой погоде? Тот, кто производит пшеницу, мясо, молоко и детей. Кто производит жизнь. Наша компания «Сэйф уэй интернешнл» делает машины, которые эту жизнь защищают. И я горжусь тем, что жизнь новых русских бизнесменов и политиков будет защищать наше с вами общее предприятие «Рашн-америкэн сэйф уэй», а по-русски – *nadiozhny put*. Извините, если я еще плохо выговариваю эти слова. Но я гарантирую вам, что совместный бизнес – это и есть самый надежный российско-американский путь! – Аудитория одобрительно захлопала, Винсент вдохновенно продолжил: – И я хочу сделать что-то, что будет символом этой гарантии, символом моей уверенности в правильности этого пути. И я скажу вам, что я хочу сделать. Я приехал сюда на самой последней новинке нашей компании – бронированном «Порше Твенти Ван». Это не только лучшая, но и самая надежная в мире машина. Я собирался поставить ее в витрину нашего московского офиса для рекламы нашей продукции. Но сейчас я изменил это решение. Такая машина не может стоять в витрине. Она должна работать. Так пусть в честь подписания этого контракта она работает у самого ценного человека в этом городе – у мэра Москвы! Вот ее ключи! – И под громовые аплодисменты ошеломленной и восторженной публики Винсент шагнул к столу на сцене и вручил ключи от «порше» московскому мэру.

Растроганный Йю Лу Жж, держа в руках брелок с вензе-

лями «Сэйф уэй интернешнл», обнял Винсента под вспышками фотоаппаратов всех журналистов и стрекот кино- и телекамер. И Робин от души восхитился своим шефом – если московский мэр будет ездить на этой машине, то лучшей рекламы продукции «Сэйф уэй» и быть не может!

А вечером был банкет на последнем этаже ресторана «Прага» в самом центре Москвы. Из окон ресторана открывался роскошный вид на Новый и Старый Арбат, на Кремль и на малое Бульварное кольцо. В зале были все московские банкиры, представители Московской мэрии, российского правительства и американского посольства в Москве. Столы, украшенные скрещенными российскими и американскими флажками, ломились от еды, коньяка, водки и шампанского.

– Я хочу представить вам моего вице-президента и менеджера нового московского отделения нашей фирмы гениального механика мистера Робина Палски! – великодушно отломил Винсент Робину кусок своего куража.

Заставив смущенного Робина встать, Георгий Брух подхватил тост:

– Я тоже хочу сказать пару слов об этом человеке. Я ездил на его машинах в Калифорнии, я видел там его мастерскую и могу вас заверить как эксперт: это действительно лучший в мире механик! После меня, конечно. Поэтому я и весь наш совет директоров «Рос-Ам сэйф уэй» можем гарантиро-

вать, что ровно через два месяца Москва получит из его рук первую сотню бронированных «мерседесов». А те, кто запишется и внесет деньги сегодня, получают двадцатипроцентную скидку!

Шум аплодисментов оглушил зал, шелест чековых обязательств покотился над столами. Болотников и его оглушительно красивая «ассистентка» собирали эти бумажки. Но через пару минут в огромном зеркальном туалете с розовыми финскими писсуарами побледневший Винсент схватил Бруха за плечо:

– Are you crazy? (Ты сошел с ума?) Какие сто «мерседесов»? Кто может сделать сто «мерседесов» за два месяца? И как ты мог дать двадцать процентов скидки?

Стряхнув в писсуар последние капли и застегивая ширинку, Георгий сказал:

– Мы только что собрали двенадцать миллионов долларов. Даже если каждый «мерседес» обойдется нам в пятьдесят тысяч, твоя доля – два миллиона баксов. Но если ты не согласен, я могу вернуть им эти деньги. Только скажи!

– Это безумие! – повернулся Винсент к Робину. – Как ты сможешь бронировать сто «мерседесов» за два месяца?

– Конечно, он сможет, – сказал Брух, моя руки. – Он уже почти миллионер! Разве он выпустит из рук такие деньги? Он будет работать как черт! Верно, Робин?

– Секунду! – сказал Винсент. – Где вы собираетесь держать эти деньги? Я имею в виду – двенадцать миллионов?

– В банке у Юрия. Не беспокойся – это правительственный банк! Абсолютно надежно. Как только Робин сделает сто «мерседесов», вы получаете свои доли! Без проблем! – И, положив доллар в тарелку черного гаитянина – смотрителя туалета, Георгий вышел.

– Fuckin' Russian! – в сердцах сказал ему вслед Винсент.

– You'll better learn it Russian way (Вы лучше выучите это по-русски), – на чистом английском посоветовал ему одетый в ливрею гаитянин. – Repeat after me: *yobaniy Russkiy!* (Повторяйте за мной: ебанный русский!)

– That's right! *Yobani Russki!* – охотно повторил Винсент.

За окнами отеля «Националь», в котором жили Винсент и Робин, двадцать четыре часа в сутки кипела гигантская стройка. В огромной яме Манежной площади, насквозь продуваемой морозной московской метелью и даже по ночам освещенной мощными прожекторами, круглые сутки сверкали искры электро- и газосварки, вращались пузатые бетономешалки, колотили землю сваезабивающие станки-гидромотолоты с надписями «Земстрой» на боках, топорщилась и росла жесткая витая арматура, чертили небо журавли подъемных кранов, и рабочие в брезентовых куртках и меховых шапках-ушанках работали «нон-стоп»: возводили стены грядущего чуда Москвы – первого в России четырехэтажного подземного торгового центра.

Но в этот вечер привычный ритм стройки был нарушен какой-то суетой – вдруг почти всюду погасли звездные сполохи сварки, по дну котлована забегали темные мужские фигуры, и три легковые машины, подпрыгивая на ухабах и опасно кренясь, стремительно спустились в котлован, окружив вышку гигантского сваедолбильного станка «Sekai Nippro». Из машин тут же выскочили мужские фигуры и ожесточенно закричали и замахали руками оператору станка, сидевшему в кабине на семидесятиметровой высоте. Но оператор то ли не слышал, то ли не видел их – он продолжал

как ни в чем не бывало долбить скважину тяжелой и гулкой японской «дурой». Кто-то из мужчин попробовал влезть к нему по скобам вертикальной железной лестницы, но при каждом ударе многотонной «дуры» в глубь шахты весь станок так сотрясся, что храбрец слетел с лестницы, как груша с дерева.

Впрочем, не только оператор «Земстроя» не замечал странных изменений в работе стройки, но и вся окружающая стройку столица – поскольку весь котлован Манежной площади был обнесен высоким забором, заглянуть за который могли лишь обитатели верхних этажей окружающих ее гостиниц и соседней Думы. А остальные москвичи видели только этот забор, оклеенный плакатами президентской избирательной кампании: действующий президент с ладошкой, поднятой, как у великого Мао, на уровень уха... лунолицый лидер коммунистов Зю Ган с лозунгом «Наше дело правое, победа будет за нами!»... знаменитый своими шовинистическими эскападами сын китайского юриста и простой русской матери Жир Ин Сэн по кличке «Жирик» и с призывом «За великую и неделимую Россию!»... молодой пропрозападник Йяв Лин Сан... хмурый генерал Ле Бедь из приднестровской провинции с девизом «За державу обидно!»... фармацевтический магнат Брын Цал с обещанием сделать всем хорошо... и снова президент Ель Тзын с поднятой к уху ладошкой. Далее, за котлованом, угадывались заснеженные зубчатые стены Кремля, а за ними над осве-

ценным прожекторами куполом бывшего царского Сената, а ныне здания Администрации российского президента, трепетал трехцветный российский флаг.

Сам же президент – седой, с болезненно-одутловатым лицом и странно-немигающими глазами – в это время уже почти час бубнил по телевизору какую-то речь.

Александра подошла к Винсенту, стоявшему у окна, и подала ему компьютерную распечатку гостиничного счета.

– Вы собираетесь оставаться в этом номере, сэр?

– Что вы имеете в виду? Чем он плох? – с неприязнью сказал Винсент, обратив внимание на дешевое обручальное колечко на ее руке, держащей гостиничные счета.

Робин, который сидел перед телевизором со словарем в руках и напряженно вслушивался в речь русского президента, повернул к ним голову. Действительно, этот «люкс» был вполне приличный: две спальни, два туалета с душем, гостиная, кабинет, окна на Кремль и на стройку, которой так гордились московский мэр и новый друг Робина Георгий «Баффало булс», хозяин «Земстроя»...

– Well, – сказала Александра, – до сегодняшнего дня все расходы по вашему пребыванию в Москве были «комплиментари» – за счет Московской мэрии и «Земстроя». Но теперь, когда вы подписали контракт и начали у нас свой бизнес, вы сами будете платить за гостиницу, питание, транспорт и так далее.

– О'кей, – нахмурился Винсент. – Хау мач?

Он взял счет, и его глаза изумленно округлились, а палец ткнул в первую же строку:

– Что?! Что это?

– Двадцать четыре сотни, сэр. За гостиничный номер.

– В неделю?!

– В день. – Александра опять поправила колготки, которые постоянно морщились на ее худых, без коленок, ногах.

– В ДЕНЬ???? – обалдел Винсент. – За это дерьмо? Две кровати и три дивана?

– Вы имеете прекрасный вид на Кремль...

– К чертям этот вид! Нет, мы не остаемся в этом номере!

А это что? – Палец Винсента ткнулся в следующую строку.

– О, это ваше питание в ресторане отеля. Завтраки и ужины.

– Две тысячи баксов за пять дней??

– Это всего двести долларов с человека в день...

– Всего! – язвительно воскликнул Винсент и показал на третью и четвертую строки: – А это что? Это?

– Транспорт и телефонные звонки.

– Семь долларов за минуту?!

– Сэр, Москва – самый дорогой город в мире! – с гордостью сказала Александра.

– О, конечно! – снова язвительно воскликнул Винсент. – А сколько ты зарабатываешь в день?

– Я не живу в отеле, сэр. И у меня нет телефона.

– Это умно. – Винсент сел к столу и принялся за расче-

ты: – О'кей, мы можем жить скромней. Сколько стоит самый дешевый номер в этом отеле?

– Самый дешевый? Четыреста двадцать долларов в день, сэр.

– А в других отелях?

– Для вас?

– Что значит «для вас»? Для меня, для него. – Винсент показал на Робина. – Я уезжаю, а он остается.

– Видите ли, сэр, в нашей стране для иностранцев одни цены, а для наших граждан – другие. Для вас самый дешевый номер будет стоить двести восемьдесят долларов в день.

– А для вас?

– А для наших граждан можно найти за тридцать.

– Странное гостеприимство. И после этого он хочет, чтобы мы вкладывали наши деньги в вашу экономику? – Винсент показал на телеэкран, где русский президент продолжал свою бесконечную речь. – Что он говорит, кстати?

– Что главные трудности уже позади и что он нашел деньги заплатить долги по зарплатам шахтерам, учителям и армии.

– И вы верите ему?

Александра выразительно посмотрела на потолок и вентиляционные решетки под ним, потом сказала:

– Конечно, верим! Разве не вы дали ему вчера двенадцать миллионов?

– Что? – Винсент даже подпрыгнул со стула. – Он будет

платить свои долги моими деньгами???

– Ну, не только вашими, сэр, – успокоила его Александра. – У нас пятьсот частных банков, и почти все они поддерживают президента. Он, безусловно, выиграет выборы!

Робин подал Винсенту газету «Moscow News» с крупным заголовком на первой полосе:

«РЕЙТИНГ ПРЕЗИДЕНТА УПАЛ ДО 6
ПРОЦЕНТОВ!

РЕЙТИНГ КАНДИДАТА КОММУНИСТОВ – 76
ПРОЦЕНТОВ!»

– О Боже мой! – прошептал в ужасе Винсент. И ринулся к телефону, стал, срывая пальцы, накручивать диск старого и тяжелого, как утюг, аппарата.

– Куда вы звоните, сэр? – спросила Александра.

– Этому сукину сыну Юри Болотников! Он говорил нам, что возврат к коммунизму невозможен!

– Звонить бесполезно, сэр. Во-первых, Болотников сейчас в опере. А во-вторых, час назад в центре города перестали работать все телефоны, какая-то авария с кабелем.

– А Джордж «Баффало буллс»? У него есть «Моторола»! – Винсент вытащил из подзарядного устройства свой сотовый телефон.

– Я думаю, что Георгий уже арестован, сэр, – нехотя сказала Александра. И пояснила в ответ на ужас в глазах Винсента и Робина: – Вы видите эту стройку за окном? Ее ведет «Земстрой», то есть компания Бруха. Но два часа назад

один из его бурильных станков перебил коллектор телефонной связи Кремля. Поэтому Бруха по всей Москве ищут начальники КГБ и кремлевской охраны.

Саша-Александра была права, за исключением одной мелочи – Георгий Брух еще не был арестован. В компании Виктора Машкова, начальника службы безопасности треста «Земстрой», и двух своих малолетних сыновей он наслаждался парилкой на дачном участке своего треста. Машков был кривоногим, как все самбисты, тридцатилетним красавцем с узким лицом голливудского актера и с накачанной грудной клеткой, а дети Бруха были худющими пацанами в возрасте шести и девяти лет. Вчетвером они голыми парились в новенькой финской сауне, переделанной под русскую парилку: светлый деревянный пол был выстелен тут ветками свеженаломанной хвои, издававшей йодисто-лесной запах, в деревянном же ведерке отмачивались березовые веники, а угли электрической жаровни Машков поливал разбавленным в туюске пивом. Дети выдерживали в парилке не больше двух минут и удирали плескаться в душевую, а Брух и Машков, распарившись, голяком выскакивали на мороз и по заснеженному дощатому настилу пробегали двадцать метров до круглой прибрежной полыньи в замерзшем Волчьем озере.

Вокруг озера стояли заповедные хвойные леса, а прилегающий к озеру кусок такого леса величиной с футбольное поле был расчищен от зарослей кустарника и огорожен глухим

металлическим забором с витой колючей проволокой поверху и глазками крохотных телекамер на угловых башенках. На этом участке, в окружении подстриженных елей и ледяных горок с разноцветными детскими санками, стояли шесть новеньких трехэтажных кирпичных коттеджей и маленькая бревенчатая «дежурка» у наглухо запертых стальных ворот. Коттеджи сияли большими желтыми окнами с цветными отблесками каминов и телеэкранов, из труб над их черепичными крышами вился березовый дым, а подле крылец дремали «чероки», «БМВ» и «мерседесы». Тихо было в этом дачном заповеднике, уютно и мирно, словно в какой-нибудь Баварии. Только хлопанье дверей прибрежной парилки, топот босых ног Бруха и Машкова да их восторженный мат нарушали эту уютную тишину.

С шумом рухнув в ледяную воду, Брух и Машков тут же выскочили из нее на берег, отфыркиваясь, как медведи, и побежали назад, в сауну. Пар валил от их белых тел. В сауне они выгнали детей домой, забрались на верхнюю полку и, снова матерясь от удовольствия, стали по очереди хлестать друг друга мокрыми и трепетно-обжигающими вениками.

А тем временем серый «мерседес» директора Федеральной службы безопасности генерала Бай Су Койя, черный «кадиллак» маршала Сос Кор Цинья и могучий крытый «Урал» с бойцами спецотряда «Витязь» уже второй час таранили фарами темноту и вечернюю поземку Калужского шоссе. По обе стороны их пути по окна в снегу стояли старые и

темные избы типичных подмосковных окраин – с косыми заборами, приснеженными скворечниками наружных нужников, сараями и поленницами заготовленных на зиму дров, с собаками на цепях и с узкими, протоптанными в снегу тропками от калиток до деревянных крылец.

Пугая ревуном встречные и попутные машины, вызывая переполох во всех окрестных курятниках и озверелый лай дворовых собак, кортеж охранных спецслужб носился вдоль этих заборов и домов то на восток, от Москвы, то снова к Москве, на запад. Хозяин переднего «мерседеса» генерал Бай Су Кой материл своего водителя и сидевшего подле него командира «Витязя»:

– Что ж вы, суки, не можете поворота найти?! Уволю к еманой матери!

– Ну нет указателя, товарищ генерал! – оправдывался одетый в зимний камуфляж двухметроворостый и бритоголовый командир «Витязя».

– Да какие к херам указатели? Это тебе Париж, что ли? Или Ханой?

– А как же найти-то?

– А так! Сказано: тридцать седьмой километр!

– Но разметки-то нету! – сказал водитель и на очередном перекрестке дорог опять развернул машину обратно. – Откуда тридцать седьмой, товарищ генерал? От Кремля? От Калужской заставы?

– От манды! – в сердцах выругался генерал по-китайски. –

Стой! – И показал на избу со светлыми окнами. – Идите берите там Сусанина какого-нибудь, и – вперед! Страна третий час без управления!

Тут у него под рукой зазвонил радиотелефон, он поднес его к губам и нажал клавиш приема:

– Второй слушает!

– Я тебя, бля, расстреляю на хер! Сколько мы будем тут крутиться? – раздался голос из радиотелефона.

Генерал повернулся к заднему окну машины, освещенному фарами «кадиллака», и ответил заискивающе:

– Сейчас, сейчас! За проводником пошли!

– Ё твою мать! – внятно сказал голос из радиотелефона.

И отключился.

Бай Су Кой открыл дверь и нетерпеливо высунулся из машины навстречу возвращающемуся от избы шоферу.

– Ну?!

– Да пьяные тут все! – хмуро сказал шофер, садясь к рулю.

– Как это пьяные? – не понял генерал.

– Обыкновенно – в дупель! Нажрались самогона и футбол смотрят.

– Какой футбол?! Ты чо несешь? Президент по телику выступает!

– А им до фени – президент, резидент! – раздраженно ответил шофер. – Врубили футбол из Испании и огурцами закусывают.

– Ну, страна, бля! – сокрушился генерал. – Демократию

им развели – футбол из Испании!

Тут из избушки послышался грохот выстрелов, потом из нее выскочил командир «Витязя» и, засовывая в кобуру свою табельную «беретту», в три прыжка подскочил к машине, плюхнулся на место.

– Порядок, вперед! – сказал он шоферу. – Тут два километра!

– Ты их убил, что ли? – спросил генерал.

– Да нет, товарищ генерал! Вы чо? – ответил командир. – Я им телевизор выключил, так они враз протрезвели. Тут через два километра высоковольтная линия, от нее направо...

Снова звякнул радиотелефон. Генерал поспешно включился:

– Второй слушает! Нашли дорогу, товарищ маршал! Сейчас высоковольтка, и от нее направо! Тут рядом. Прием.

– Сколько трупов? Прием, – сказал радиотелефон.

– Пока нет трупов, товарищ маршал, – доложил Бай Су Кой.

– Стой! – приказал шоферу командир «Витязя». – Ты опять проскочил! Высоковольтку видел?

– Так ведь нет поворота! – ответил тот.

– Плевать! – вмешался голос по радиотелефону. – Это Брух, жидовская морда, к своим дачам электричество протянул!

– Сворачиваем направо! – приказал генерал шоферу.

– Без дороги? Прямо в лес, что ли? – засомневался шофер.

И тут же увидел в зеркальце заднего обзора, как следовавшие за ним «кадиллак» и «Урал» остановились и «Урал», свернув направо, круша бампером и исполинскими колесами кустарник и мелкие ели, действительно ринулся в лес – напролом, по заросшей просеке линии высоковольтной передачи. «Кадиллак», урча двигателем, покатыл за ним по свежеумятой колее. Озадаченно крутнув головой, шофер «мерседеса» осторожно двинулся следом.

Проехав метров триста, «Урал» уперся фарами в высокий и глухой, из сварных металлических секций, забор. Водитель «Урала» вопросительно посмотрел на замначальника «Витязя» – тоже двухметроворостого и бритоголового гиганта в камуфляже. Тот включил рацию, доложил:

– Первый, первый, это восьмой! Прием!

– Ну? Хули там? – по-китайски выразился в рации маршалский голос из «кадиллака».

– Забор, товарищ маршал! А ворота не знаю где – слева, справа? Куда брать прикажете? Прием!

– Вперед! – приказал голос маршала. – Не хуй время терять! Пошел!

– Пошел! – приказал гигант водителю.

Водитель молча включил первую скорость, дал газ. «Урал» всей своей многотонной массой тараном вломился в металлический забор, обрушил не то три, не то четыре секции и, подмяв их под себя, выскочил прямо к ярко освещенным коттеджам дачного поселка «Земстроя». Где-то по-

одадь, в бревенчатой сторожке у ворот, завыла сирена тревоги, из сторожки и коттеджей выскочили несколько вооруженных охранников и невооруженных мужчин и женщин, но высыпавшие из кузова «Урала» тридцать витязей с короткоствольными автоматами, в черных шерстяных масках и в зимнем камуфляже мгновенно уложили всех лицами в снег. И отключили сирену.

Следом за «Уралом» в напряженную тишину захваченного дачного поселка осторожно въехали «кадиллак» и «мерседес». Из «мерседеса» проворно выскочил командир «Витязя», а следом, с заднего сиденья машины, вышел генерал Бай Су Кой. Пройдя вдоль фигур, лежащих в снегу под дулами «АКС», и не найдя среди них того, кто был ему нужен, генерал носком ботинка поддел чью-то голову:

– Где Брух?

– В парилке, там... – слабо отозвалась голова, замерзая на снегу.

Генерал посмотрел на домик сауны на берегу озера и кивнул на него командиру «Витязя». Тот жестом приказал своим гигантам штурмовать парилку. Бойцы моментально оцепили ее, кто-то, тихо приотворив дверь, катнул внутрь слезоточивую гранату «Дурман».

Люди, лежавшие лицами в снег, приподнялись, жена Бруха вскрикнула, но стоявший над ней гигант в маске повел короткоствольным автоматом:

– Лежать!

А генерал подошел к «кадиллаку». Стекло задней двери «кадиллака» опустилось, голос изнутри спросил:

– Ну?

– Парится, падла! Сейчас приведут, – доложил генерал.

Действительно, ударная группа бойцов во главе с командиром, надев противогазы, уже лихо ворвалась в парилку. Играючись, они вышибли внутреннюю дверь, скрутили голых, обалдевших и кашляющих от газа Бруха и Машкова и выволокли их наружу.

– Кто Брух? – спросил, подходя к ним, генерал, но двое пленников только надрывно кашляли, жадно хватая морозный воздух распахнутыми, как у рыб, ртами. Из их носов текли сопли, из глаз – слезы.

За неимением у арестованных документов генерал обратил свой взгляд на их мужские отличия. С минуту его глаза внимательно изучали и сравнивали их, потом он уверенно ткнул рукой в Бруха:

– Этот! Сюда его! – И пошел, не оглядываясь, к «кадиллаку».

Следом бойцы-витязи потащили кашляющего Бруха.

Дверь «кадиллака» отворилась, из него вышел на снег маршал Сос Кор Цинь, начальник Службы безопасности президента. Это был плечистый и высокий по китайским стандартам мужчина с русской бородой. Несмотря на мороз, он был лишь в маршальском мундире и фуражке с высоченной тульей, обложенной золотыми листьями маршальских

отличий. С тех пор как президента Ель Тзына предали его малорослые соратники генерал Ру Цкой и маршал Хас из южной провинции Чечня, президент перестал доверять мелким мужчинам и окружил себя рослыми, как он сам, чиновниками, которых ему доставляли из самых дальних провинций, – генералом Шу Мей Коном, полковником Чу Бай Сомом и т. п. Но стремительная карьера маршала Сос Кор Цинья объяснялась не столько его ростом, сколько его беспримерной преданностью президенту и умением вовремя уберечь своего хозяина от любой опасности – от грузовика-снаряда при коммунистах до лишних доз спиртного при демократии. Некоторые вхожие в Кремль особы утверждают, что именно он грудью закрыл дверь президентского самолета в аэропорту Шеннон, когда президент «во сне» рвался из самолета для встречи с ирландским премьер-министром. За что сначала, в Шенноне, Сос Кор Цинь получил от «сонного» президента по морде, а потом, в Москве, – звание маршала и должность ГДЛ (Главного Доверенного Лица). Теперь ГДЛ с высоты своего роста и звания брезгливо рассматривал голого и кашляющего Бруха.

– Заткнись! – приказал он наконец, и Брух, сквозь слезы узнав Сос Кор Цинья, не то от страха, не то от изумления действительно замолчал. Руки его были скованы сзади стальными наручниками. – В парилке, значит, паришься? – продолжал Сос Кор Цинь. – А если я тебя сейчас кастрирую, сука? – За... за что? – хрипло спросил Брух.

– А ты не знаешь? Твой станок перебил кремлевский коллектор связи! Ты, сволочь, всю страну без управления оставил! За это знаешь что...

– Так это ж замечательно, Сос Корович! – снова закашлялся Брух. – Поздравляю!

– С чем ты меня поздравляешь, сука? – подозрительно спросил маршал.

– С торжеством демократии. Страна даже не заметила, что вы перестали ею управлять.

Сос Кор Цинь на миг задумался, потом вскипел:

– Ты у меня поостри, падла! В машину! Если через час не восстановишь связь, я тебе второе обрезание сделаю. Своими руками!

– За час невозможно, – сказал Брух. – Там только станок передвинуть – сутки нужны. А еще сваю вытаскивать! Может, я все-таки штаны натяну?

– Ни хуя! Если член отморозишь, меньше будешь хуйней заниматься!

– Клевое дацзыбао! – заметил Брух, садясь в «кадиллак». – Это вы у Мао прочли? – И успокоил подскочившего к машине младшего сына: – Все в порядке, Марик, иди домой и будь с мамой. Я помогу дяде Со и вернусь. – И повернулся к севшему в машину маршалу: – Между прочим, вы сами утвердили маршрут бурения. У меня карта есть с вашей подписью. Никакого коллектора связи на ней нет.

– Не пизди! – сказал маршал и кивнул своему шоферу: –

Поехали!

– Через ворота или как раньше? – спросил шофер.

– Через жопу! – раздраженно огрызнулся Сос Кор Цинь.

– Слушаюсь! – Водитель тронул машину в сторону пролома в заборе.

– Эй, куда?! – крикнул ему Брух и изумленно повернулся к маршалу: – А зачем вы забор сломали? Вот же дорога, в двух метрах!

– Не твое дело! – ответил тот и сунул ему «Моторолу». – На, звони своему долбоебу!

– Какому из них?

– Который в коллектор сваю загнал, сука! Он без твоего приказа не слезает со станка и продолжает долбить, пидарас хуев!

– Интересно, как я ему позвоню, когда у меня наручники? – спросил Брух.

Сос Кор Цинь кивком головы приказал своему адъютанту освободить Бруха от наручников. Размяв затекшие руки, Брух набрал номер на «Мотороле» и сказал:

– Vincent? Hi! It's George. No, I'm o'kay, may I talk to Robin? (Винсент, привет! Это Георгий. Нет, я в порядке. Могу я поговорить с Робинот?)

– Кому ты звонишь? – подозрительно спросил Сос Кор Цинь.

– Одному гениальному механику, – ответил Брух. – Может, он придумает, как вам за час станок передвинуть.

– Но он же американец! Ты охуел, что ли? Там секретная линия связи!

– Он немой, он никому не скажет, – отмахнулся Брух и закричал в телефон: – Hello! Robin! Listen! I need your help! You hear me? Алло! (Алло, Робин! Слушай! Мне нужна твоя помощь! Ты слышишь?) – И отшвырнул трубку: – Я идиот! Как он может ответить, если он немой?! Хули вы смеетесь? Включите хоть подогрев сиденья, у меня яйца стыннут!

– Ни хуя, – мстительно сказал маршал. – Я тебе покажу торжество демократии! Пока связь не восстановишь, будешь голый ходить!

В эту ночь Винсент и Робин выучили больше русских слов, чем за все предыдущие дни, вместе взятые. Оказалось, что, несмотря на четырехтомный словарь живого великорусского языка, который пользуется в Москве такой популярностью, что мальчишки на всех перекрестках суют его вам в машину наравне с журналами «Пентхаус», «Плейбой» и «Спид-Инфо», русские в работе легко обходятся пятью-шестью выражениями, происходящими от слова «мать» и названий женских и мужских половых органов.

– Хуйни эту хуевину еще раз!

– Да не сюда, мать твою перемать! Опиздинел, что ли? Куда ты хуячишь? С этого боку запиздячь, с этого!

– Хорош, бля! Теперь пиздуй ее вниз до упора! А мы перекурим на хуй...

Если бы Робин умел говорить, то к утру свободно сдал бы экзамен по русской словесности, а также прикладной механике, инженерии и вообще любым предметам вплоть до лазерной нейрохирургии. Но Робин был немой и блеснул в эту ночь только своей технической смекалкой. Вдвоем с Джорджем «Баффало буллс», которого почему-то привезли в котлован на Манежной площади абсолютно голым и одели, как поняли Робин и Винсент, только из-за них, иностранцев («Да вы что, охуели? – говорил Брух своим охранникам из «Ви-

тязя». – Это ж американцы, бля! Они на весь мир распиздят, что вы людей голыми въябывать заставляете!), так вот, вдвоем с одетым в запасной камуфляж Джорджем они быстро смекнули, что ни вытаскивать злополучную сваю, ни передвигать станок не нужно, а нужно «захуячить эту ебаную сваю в пизду!», то есть утопить ее в землю совсем, еще ниже коллектора связи, а затем расширить скважину, то есть, извините, «расхуячить эту дырку так, чтобы телефонистов ФАПСИ туда запиздярить». И пока Георгий Брух, Робин и остальные инженеры и рабочие «Земстроя» совместно с технарями Федерального агентства правительственной связи и информации ударными темпами осуществляли в котловане это лихое техническое решение, в нависающем над котлованом стеклянно-бетонном павильоне, именуемом штабом стройки, Винсент энергично крепил американо-российские связи в другой, более доступной пониманию кремлевских генералов области.

– О'кей, «Манхэттен»! – говорил он, смешивая в бокалах канадское виски, сухой вермут и горькую рябиновую настойку. – Very popular drink! Now try it! (Очень популярный коктейль! Попробуйте!)

Генерал Бай Су Кой и маршал Сос Кор Цинь пробовали, презрительно морщились и, невзирая на присутствие Александры, выражались по-офицерски:

– Хуйня! Слабо, короче!

– *Нуяня*? No good? – повторял Винсент, лихо выгребая

из холодильника управления стройки все запасы спиртного. – O'kay, let's try screwdriver! Screwdriver is very simple! Now you try that. We call it a «screwdriver». (Ладно, попробуем скрудрайвер. Это просто – водка и лимонный сок. Попробуйте. Мы называем это «скрудрайвер».)

– Скру-драй-вер... – повторяли, пробуя, генералы. – Тоже хуйня, но хуй с ним...

– Better? (Лучше?) – понимал их Винсент. – Aha! Now I'm getting your taste! So now we're going to Tequila-gold with pepper. By the way, how you, guys, are going to win the election if your man have rating only six pro cent? (Ага! Теперь я понимаю ваш вкус. Тогда перейдем к золотой текиле с перцем. Между прочим, как вы, ребята, собираетесь выиграть выборы, если рейтинг вашего лидера только шесть процентов?)

– Что он пиздит? – спросил генерал Бай Су Кой у Александры.

Та добросовестно перевела.

– Во, бля, хитрожопый американец! – засмеялись генералы. – Думаешь, за твой сраный «скру-драйвер» мы тебе все секреты откроем? Ты наливай, а с выборами мы сами разберемся!

– What have they said? (Что они говорят?) – спросил Винсент у Александры, поворачиваясь к ней правым ухом.

– Они хотят еще выпить, – сказала Александра по-английски.

– А что насчет их предвыборной стратегии?

– Это государственный секрет.

– Tell them: if their president will make one more speech like yesterday night there is no secret to save him, he is finished. Got it? Don't shit, tell them! (Скажи им: если их президент будет толкать такие речи, как вчера по телику, никакие секреты его не спасут. Ясно? Не трусь, скажи им!)

– Давай переводи, не бзди! – поддержали Винсента генералы.

– Он говорит: если наш президент будет выступать так, как вчера по телику, его ничто не спасет, он проиграет, – нехотя перевела Александра.

– Ни хуя, *мы* его спасем! – помрачнел Сос Кор Цинь. И хмуро приказал Винсенту: – Ты наливай! Умник, бля!

– Translation, please! – испуганно попросил Винсент у Александры.

– Я вам сказала: дайте им еще выпить!

– Here we are! – Винсент поспешно подал бокалы с дринками. – Скажи им, что у нас в Лос-Анджелесе есть замечательные специалисты по избирательным кампаниям. Мужик, который провел все избирательные кампании Рейгана, и еще один, который помог выиграть нашему губернатору.

Александра добросовестно перевела.

– На хуй! – отмахнулся Сос Кор Цинь. – Нам тут еще американских советников не хватало! Скажи ему, пусть не лезет не в свое дело, бля! И пусть еще нальет, эту, как ее, скруячину, короче. И посмотри там, в котловане, – долго они еще

будут мудохаться с этим коллектором?..

Так, в совместных американо-российских усилиях как внизу, в котловане, так и наверху, в штабе стройки, прошла эта ночь. А к шести утра перепачканные в грязи и машинном масле Георгий Брух и Робин Палски поднялись в павильон, и Георгий доложил:

– Товарищи генералы! Связь восстановлена. Можете приступить к управлению страной.

Маршал Сос Кор Цинь уперся в него хмельным взглядом и погрозил пальцем:

– Ты, бля, дошутишься!

Георгий развел руками:

– А что я сказал?

Маршал повернулся к Винсенту:

– Ты, хитрожопый! Налей им! Только по-нашему, без скрючины! Понял?

– No screwdriver! Vodka na lyod! *Ni huya!* I got it! – легко понял его Винсент.

Сос Кор Цинь уставился на него враз протрезвевшими глазами, потом сказал:

– Уже выучился по-русски? Касабланка хуев!

И перевел свой тяжелый взгляд на Робина.

Чувствуя, что под этим взглядом у него сейчас выпадет из рук стакан с водкой, Робин поспешно поднес этот стакан ко рту и залпом выпил.

– Гуд! – сказал генерал Бай Су Кой.

Но маршал продолжал испытующе смотреть на Робина, не то пытаясь припомнить, видел ли он когда-то этого американца, не то определить, мог ли Робин вызнать кремлевские секреты, помогая Бруху отремонтировать кремлевский коллектор связи. Однако алкоголь затуманивает мозги даже генералам, и маршалу пришла в голову другая идея. Он показал Александре пальцами на Робина и Винсента и спросил:

– Голубые?

Она пожала плечами:

– Да нет вроде...

– Голубые! – уверенно сказал маршал. – Раз из Калифорнии и вместе живут – точно голубые. – И снова посмотрел на Робина. – Но этого хмыря я где-то видел...

Едва войдя в гостиничный номер, Робин ринулся собирать чемодан.

– Эй! – изумился Винсент. – Какого черта?

Но Робин не отвечал – он носился от шкафа и тумбочки в туалет и обратно и в чемодан летели джинсы, палас-простыня из деревянных шариков, смокинг, эспандер, носки, галстуки, технические справочники и набор гаечных ключей, с которым Робин никогда не расставался.

Но когда он в очередной раз подбежал к чемодану с ботинками в руках, на чемодане сидел Винсент.

– Fuck you! – сказал он. – В чем дело?

«Я уезжаю! Срочно!» – показал Робин.

– Почему?

Робин, не отвечая, попробовал столкнуть Винсента с чемодана.

– *Ni huya!* – сказал Винсент. – Я видел, как смотрел на тебя этот fucking русский генерал. Ну и что? Ты обосрался? Он и меня назвал «Касабланка», но я положил на него! Я приехал сюда делать деньги, и сделаю – *ebiona mat!* Но ты не можешь оставить меня одного, ясно? Мы оба отвечаем перед Амадео за этот бизнес, и я не собираюсь подставлять за тебя свою задницу! Попробуй сесть тут в любой самолет, и я позвоню Амадео, он встретит тебя всюду, куда ты прилетишь.

Робин растерянно остановился со своими ботинками в руках. Только теперь до него дошло, в какую ловушку он попал: он не может оставаться в России, где все КГБ, или как оно теперь называется, принадлежит маршалу Сос Кор Цинью, и он не может уехать отсюда, потому что на нем действительно держится весь этот совместный американо-российский бизнес, который Винсент заложил Амадео Джонсону. Но как же быть?

– Come on! – сказал Винсент. – Ты что? Видел в этом странном телефонном коллекторе какие-то кремлевские секреты? Хули ты бздишь этого генерала? Relax! Он напился, как обезьяна, а когда проснется, то и не вспомнит твое имя! Оставь свои ебанные ботинки, мы опаздываем к Болотникову – он улетает сегодня в Европу. И мы должны срочно снять себе квартиру – я не могу платить двадцать четыре сотни в день за этот сраный номер!

Но Болотников поубавил у Винсента энтузиазма. Сначала он заставил Винсента и Робина больше часа прождать в приемной, поскольку был занят со своей новой красоткой-ассистенткой какой-то совершенно изнурившей его работой. А затем вполтину срезал представленную Винсентом смету расходов на первый месяц и еще категорически отказался выдать деньги на эти расходы.

– Во-первых, – сухо сказал он Винсенту, – мы практически бесплатно, за доллар, отдаем вам помещение, которое

стоит миллион! Во-вторых, мы гарантируем вам монопольные права торговли. То есть никаких конкурентов! И в-третьих, мы даем вам протэкшен!

– Мне не нужен твой протэкшен! – высокомерно сказал Винсент. – Я могу защитить себя сам, не беспокойся!

– Ты ошибаешься! – попытался возразить Болотников.

– Я ошибаюсь? – возмутился Винсент. – Сынок, я защищал себя еще до того, как твой дедушка научился делать то, что ты делал только что со своей секретаршей! Послушай меня! Нам нужно как минимум сорок тысяч долларов на первый месяц, и вы должны заплатить половину этих денег – или мы вообще не играем в этот бизнес! – И добавил по-итальянски: – *Капиччи?* Понимаешь?

Болотников долго смотрел ему в глаза, потом нагнулся к левой тумбе своего роскошного, из красного дерева письменного стола и открыл ложную деревянную дверцу, за которой оказалась стальная дверца сейфа. Покрутив ручку с цифровым кодом, он открыл этот сейф, вытащил и бросил на стол две пачки стодолларовых купюр, перетянутые фирменной бумажной лентой Американского федерального банка.

– О'кей, – сказал он, – вот двадцать тысяч. Это мои собственные деньги. Я думаю, ты мне их скоро вернешь.

– О, конечно! – насмешливо ответил Винсент и самодовольно усмехнулся, выходя из банка: – *Yobany Russki!* Я научу их, как вести бизнес!

Но и эта маленькая полупобеда утешила Винсента ненадолго. Потому что квартиры, которые они смотрели в то утро, вызвали у Винсента новый прилив бешенства.

– It is *huynia!* Look at that shit! (Это хуйня! Посмотри на это дерьмо!) – Он в сердцах откинул пыльную портьеру, закрывающую окно, и тут же вся штора рухнула вместе с карнизом, едва не проломив ему голову. То была четвертая квартира, в которую привезли Винсента и Робина Александра и косоглазая Наташа, хозяйка московского агентства «Комфорт интернешнл», красивая прохиндейка с порочной походкой. – Fuckin' Russia! – Винсент выбрался из-под пыльной шторы и, отряхиваясь от бетонной крошки, просыпавшейся из креплений рухнувшего карниза, возмущенно забегал по квартире. – Смотри! Что это? – Он показал на обои, свисающие со стен и завернувшиеся на манер пожухлых осенних листьев. – А это? – Он ногой пнул дверь из гостиной в спальню, и дверь эта – без петель, лишь прислоненная к дверному косяку – рухнула на матрас, который покоился на трех кирпичках. Но Винсент даже не обратил на это внимания, а по горбатому, со вздутым паркетом полу шагнул в туалет. – Посмотри сюда! – позвал он косую Наташу. – Смотри!

В туалете, совмещенном с ванной, крышка сиденья была сломана, из водяного бачка все внутренности торчали наружу, а на дне ванны валялись металлические части душа – витой шланг и ручки от кранов.

– You call it a «comfortable villa»? Look at me! Look me at

my eyes! (И ты называешь это «комфортабельной виллой»?)
Смотри на меня! Смотри мне в глаза!)

– I luuk! I luuk! – отвернулась Наташа, только так ее косые глаза могли смотреть прямо на Винсента.

– How much you want for that shit? (Сколько ты хочешь за это дерьмо?)

– Tu sausan, – с враждебной твердостью сказала Наташа, поворачиваясь к нему лицом и таким образом отводя в сторону свои косые глаза.

– Я не слышу. – Винсент повернулся к ней левым ухом. – Look at me! (Смотри на меня!)

– I luuk. Tu sausan, – повторила Наташа. – In month.

– Two thousand dollars for that huynia! Две тысячи в месяц за это дерьмо?! Невероятно! За такие деньги я могу иметь виллу в Акапулько!

– But it's the center of Moscow! (Но это в центре Москвы!) – сказала ему Александра.

– Тут за один вид можно отдаться, – заметила ей по-русски Наташа.

– What she is saing? (Что она говорит?) – спросил Винсент.

– Тут замечательный вид. – Александра показала за окно. Там зябли и ежились в густой снежной метели Пушкинская площадь и Тверской бульвар. Оскальзываясь на коросте замерзшей грязи, по тротуарам мелкими шагами брели сутулые прохожие в заснеженных пальто и шапках. А на Тверской улице троллейбус потерял провода, создав гигантскую

пробку авто, которые вопили гудками.

– *Huynia is your view!* Что такого замечательного в ваших ебаных видах? – Винсент раздраженно поднял телефонную трубку с валявшегося на полу телефона, приложил его сначала к правому, а потом к левому уху. – *Of course! It's not working!* (Конечно! Не работает!)

– *Workin, workin!* – сказала Наташа, соединяя вырванные из стены и обнаженные телефонные провода.

Винсент повернулся к Робину.

– Что ты скажешь?

Робин пожал плечами: если ему суждено остаться в России, он не будет жить ни в отеле, ни в квартире, а, как только придут его станки и инструменты, переселится в мастерскую.

– *O'kay!* – сказал Винсент Наташе. – *One thousand dollars. That's my last word. And you have to fix everything here!* (Тысячу долларов. Это мое последнее слово. И ты должна привести тут все в порядок.)

– *Tu sausan,* – не отводя от него косого взгляда, твердо сказала Наташа. – *Ван саузан – депозит.*

Вы когда-нибудь задумывались, каково иностранцу начать бизнес в России? Я не спрашиваю моих западных читателей, я обращаюсь к русским: поставьте себя на место любого иностранца, прилетевшего в Москву, чтобы начать тут какое-то дело. Что с вами случится в первую же минуту? Совершенно верно: вас надуют! Вас ограбят чиновники, наемные рабочие, сантехники, таможенные инспектора, водители такси, официанты, милиционеры и даже ваши собственные партнеры. Вас будут «обувать» внаглую, не опуская презрительно чистых глаз, вас будут кормить дерьмом, поить бурдой и подсовывать безумные счета, вас будут соблазнять сверхприбылями и проститутками, спаивать, шантажировать и вымогать последнее из последнего. И при этом вас же, ограбленного, будут презирать и ненавидеть – за ваши деньги, за вашу чистую сорочку, за правильно повязанный галстук, за аккуратную прическу и даже за запах вашего дезодоранта. И когда вы, униженный и разбитый, в отчаянии решите все бросить и сбежать домой, окажется, что вы обязаны заплатить штраф за то и за это, за просроченную визу, регистрацию банкротства и несостоявшиеся кредиты, а иначе вас и из России не выпустят.

Не так ли, дорогие мои российские читатели? Или я что-то преувеличиваю? Клевету на свою географическую роди-

ну? И, пожалуйста, не нужно напоминать мне о пресловутой славянской доброте и прочей мистике – нынешняя российская действительность уже давно переместилась из бывших стыдливых «уголков криминальной хроники» на первые полосы самых уважаемых «Известий», «Московских новостей», «Коммерсантъ-Daily» и «Аргументов и фактов»: нет и дня, чтобы в Москве безжалостно, за каких-нибудь пару тысяч долларов, не убивали бизнесменов (в том числе иностранцев), или не брали заложников (в том числе иностранцев), или не взрывали офисы (в том числе иностранные).

Винсент Феррано и Робин Палски находились в самом начале этого рискованного пути.

Правда, у них были партнеры и покровители, связанные с верхами верхов правительственной власти: Юрий Болотников и Георгий Брух. Но как раз в эти дни Болотников и министр российской экономики улетели в Лондон добиваться в Евроклубе отсрочки платежей по российским займам под предлогом опасности возвращения коммунистов к власти, а Брух сразу после столкновения с маршалом Сос Кор Циньем укатил с сыновьями в Африку, в сафари, чтобы охотой на диких зверей восстановить свой престиж в глазах детей.

И простые российские заботы мгновенно обступили наших героев.

Во-первых, регистрация бизнеса и оформление бумаг на пятидесятилетнюю аренду особняка на Пречистен-

ке. Эти два простых акта оказались связаны между собой взаимоуничтожающими обстоятельствами, несмотря на торжественно подписанный контракт между «Safe Way International» и Московской мэрией. В Палате регистрации новых учреждений, предприятий и акционерных обществ (улица Ситная, бывшая Энгельса, табличек нет, дом номер 6, корпус 2, строение 5, в связи с ремонтом вход с Нижне-Камского переуллка, второй этаж, комната 19, прием документов в окне № 3 по средам и пятницам с 8.30 до 10.30, оплата госпошлины в кассе № 4 Сбербанка по улице Мясницкой, бывшая Кирова, выдача документов по четвергам с 14.00 до 16.00, справки по телефону не выдаются), так вот, после часовой очереди к окошку № 3 Палаты регистрации новых учреждений господам Феррано и Палски через их переводчицу было сказано русским языком, что без документов на аренду или владение каким-нибудь помещением в Москве регистрация бизнеса не производится.

– А я вам еще раз русским языком объясняю! – с непонятной враждебностью повторила Александре молоденькая приемщица документов с лицом красавиц итальянского художника Боттичелли. – Без адреса не регистрируем! Как я буду их регистрировать? Где? На Луне? Освободите окно! Следующий!

А в региональном Управлении коммунальным имуществом (улица бывшая Станиславского, дом 79, подъезд 9, третий этаж, комната 16, прием посетителей только по пред-

варительной записи по телефону, дополнительная информация: по случаю ремонта проход через подъезд 7, вход со двора) томная заведующая с глазами и фигурой Шехерезады, кутаясь от холода в норковую шубу и угощая гостей растворимым кофе из двухлитрового китайского термоса с неземными павлинами, бессильно развела тонкими руками в старинных серебряных перстнях:

– Как же я выдам им документы на дом, если у них еще бизнес не зарегистрирован? Что я? Просто отдам двум американцам целый особняк в Москве? Да меня за это в тюрьму посадят!

– Надо дать! – стеснительно сказала Винсенту Александра после первой недели их мытарств.

– What do you mean «*nado dat*»? – спросил Винсент.

Александра смутилась и покраснела до шеи:

– Ну, я не знаю, как сказать... У нас есть хорошие обычаи и есть плохие обычаи...

Тут вмешался Робин. Двумя жестами он объяснил Винсенту, что Александра имеет в виду.

– Ах, взятка! – воскликнул Винсент. – Так у вас тоже! Что ж ты мне с самого начала не сказала?

Выяснилось, что Александра ничего о размерах взяток не знает и давать их не умеет. Винсент тоже не мог рисковать своим положением президента международной компании («Ты можешь представить – я, президент международ-

ной компании, буду совать взятки каким-то русским девчонкам! Конечно, они все красотки, но все же...»). Короче, дать первую взятку выпало Робину – если он влипнет на этом, то легко объяснить, что он немой, что-то не понял, думал, что это государственная пошлина и т. п.

Как ни странно, операция с первой же взяткой прошла у Робина блестяще: он молча подал в окошко № 3 те же документы и незапечатанный конверт с деньгами, красавица Боттичелли тут же вскрыла конверт, пересчитала деньги и, не глядя на взмокшего от страха Робина, сказала негромко:

– Еще пятьдесят...

Но Робин не знал этих слов и лишь улыбнулся бессильно.

Она подняла на него глаза, враз определила в нем иностранца и сказала с чистеньким английским произношением:

– Another fifty.

Робин выгреб из кармана все, что у него было – две десятки и пятерку. И жестами показал, что больше у него нет ни цента.

– O'kay, – сказала «Боттичелли», легким жестом сбросила деньги в ящик и стала не глядя штамповать документы жирным чернильным штампом, говоря куда-то в глубь комнаты: – Во блин! Уже кто только сюда не едет! Черные, немые! Медом тут у нас намазано! – И подала Робину какую-то квитанцию. – O'kay, sir! Go to the «SberBank» on Miasnitskaya street and pay ten thousand dollars. Take a receipt and come back

at Thursday... (Ладно, сэр. Идите в Сбербанк на Мясницкую улицу и уплатите десять тысяч долларов. Возьмите квитанцию и возвращайтесь в четверг.)

Робин в изумлении открыл рот.

– What? – спросила «Боттичелли».

Он в ужасе показал на пальцах:

«ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ?????»

– Sure. Ну да, это стандартная пошлина, – сказала «Боттичелли», но все-таки улыбнулась, увидев искреннее отчаяние на его лице: – All right, я дам вам скидку на переводе ваших документов. – И снова повернулась в глубину комнаты: – Катя, ты переведешь ему за сотню, налом? Иди глянь: он хоть и немой, но без кольца. И выглядит как холостой...

Из глубины комнаты выплыла еще одна красавица в духе пышных дев с полотен Рембрандта. Она лениво глянула на Робина и кивнула «Боттичелли»:

– О'кей. Сотню налом. И возьми его себе.

Под строительными лесами маляров, которые закапали Робину дубленку желтой краской, он горохом скатился по деревянной лестнице на улицу, где его ждали Винсент и Александра.

– Что? – закричал Винсент. – Десять тысяч только за то, чтобы инкорпорировать бизнес? *Na huy!* Мы уезжаем!

«Плюс еще сто за перевод», – жестами показал Робин.

– No! То *yobani mat!* Я сказал тебе: мы уезжаем! К черту такой бизнес! – Винсент шел по улице, так громко мате-

рять по-русски, что прохожие оборачивались на него с радушной улыбкой. И в китайском ресторане, что на бывшей улице Маркса-Энгельса по соседству с храмом Христа Спасителя и напротив Ленинской библиотеки, заплатив кассирше-Белоснежке по семнадцать долларов за ничтожные порции какой-то еды, Винсент продолжал: – Посмотри на эту еду! На эту порцию! Это называется китайский ресторан? В китайском ресторане должно быть много еды и дешево! Смотри на эти ебаные креветки! Это же блохи! Семнадцать долларов за семь блох! Они и на вкус – блохи! – Он брезгливо доел свою порцию и удивленно развел руками: – Я не наелся! Нет, правда! Я заплатил семнадцать ебанных долларов и ни хрена не наелся! Как мы можем заработать тут деньги, Робин, когда тут все так дорого? Ты, Алекс, сколько ты зарабатываешь?

«Алексом» он с некоторых пор стал звать Александру, как бы подчеркивая свой настрой не признавать в ней женщину, несмотря на обручальное колечко на ее руке.

– Я не ем в ресторанах, – уклончиво ответила Александра.

– О'кей, еще одна вещь, Алекс, – сказал Винсент. – Посмотри вокруг. Рабочее время, а на улице тысячи людей. Но – ни одной красивой бабы! Я не говорю о тебе, конечно. Но все остальные какие-то уродки и одеты ужасно. А стоит войти в любой офис – сплошные Барби! Любая секретарша – просто Мелани Гриффит! И даже эта продавщица – настоящая Белоснежка. Это странно – все красивые курочки у вас

работают, а уродки гуляют! Мне кажется, у нас наоборот. А, Робин? Или я уже забыл?

Александра несколько мгновений смотрела на него в упор, потом сказала негромко:

– Я хочу посмотреть, какую вы возьмете себе секретаршу.

Винсенту понадобилась пауза, чтобы понять, что она имела в виду.

– Нет, я не хотел тебя обидеть, – сказал он, смутившись.

Но тут же постарался восстановить свое превосходство: – Я вижу у тебя кольцо на руке. Ты действительно замужем?

– Что значит «действительно»? – обиделась Александра. –

Я да, замужем!

Винсенту, похоже, в это трудно было поверить.

– I see... – произнес он с сомнением. – И что делает твой муж?

– Well... – уклончиво произнесла Александра. – Он работает в Думе. Ну, в нашем парламенте.

Но Винсент не отставал:

– И что он там делает?

– Разное... – Явно желая прервать этот допрос, Александра встала. – Пошли?

– Он работает в парламенте, но у вас нет дома телефона. – Винсент выразительно посмотрел на Робина, показывая, что он не поверил ни одному ее слову.

А в гостинице администраторша, статная, как Дебби Мур,

в строгом пиджаке с эмблемой отеля «Националь» на груди, позвала его от стойки:

– Мистер Феррано! Вам пришел факс!

– How much? – настороженно спросил Винсент.

– Oh, it's nothing! Пустяки! – Она очаровательно улыбнулась, подавая ему листок с факсом. – Всего десять баксов!

– Десять долларов за факс! – сказал Винсент Александре и Робину, начиная вновь заводиться. – И это пустяк для нее! – Он повернулся к администраторше: – Мой отец работал неделю за десять долларов! И то была тяжелая работа! Так мы построили капитализм! А вы хотите получить его даром, за наш счет! – Он хлопнул на стойку зеленую десятку.

Русская Дебби Мур бесстрастно смахнула деньги в ящик стола и отошла, а Винсент протянул Александре факс с русским текстом:

– Что там?

– Это факс из Петербурга, из морского порта, – сказала она. – Пришли контейнеры с вашим оборудованием.

– How much? – хмуро спросил Винсент.

– Таможенный сбор – шесть тысяч двести четыре доллара сорок два цента, – прочла Александра. – Хранение контейнеров – триста двадцать долларов в сутки.

– Угу... – мрачно, но уже закипая от ярости, произнес Винсент. – А как насчет «надо дать»?

Александра бессильно пожала плечами, Винсент повернулся к Робину.

– Это ловушка! – воскликнул он и пошел по гостиничному вестибюлю, возмущаясь: – Эта страна – одна большая ебаная ловушка! Западня! Вы не можете получить ничего без «надо дать»! Не так ли? – обратился он к группе британских старушек-туристок, которые испуганно поджали накрашенные губки.

Тут же от зеркальных дверей отеля к Винсенту решительно направились два двухметроворостых швейцара, а от стойки администратора подлетела «Дебби Мур» в строгом фирменном блейзере:

– Sir! Mister! Вы должны вести себя тихо! Это наше правило!

– Oh, sure! Конечно! Я должен быть ограблен, и я должен вести себя тихо! Я знаю это правило! Я сам вводил его в Калифорнии тридцать лет назад!.. То есть я воевал с ним тогда...

Швейцары, больше похожие на бойцов отряда «Витязь», уже хотели взять Винсента под локти, но тут вмешалась Александра, сказала им что-то по-русски, и они отступили. Александра и Робин увели Винсента в лифт, Александра сказала:

– Ваша квартира завтра должна быть готова. Или вы все-ррез собрались уезжать?

– Sure! – сказал Винсент, остывая. – Мы уедем и оставим тут пять контейнеров с оборудованием на полмиллиона! Где эти факинг Юри и Джордж? Они должны помогать нам ре-

шать эти ебаные русские проблемы!

В их двухэтажном особняке на Пречистенке все двери были распахнуты настежь, там тоже шел ремонт. Но ни одного рабочего не было ни при входе, ни на лестнице, ни в комнатах. Хотя всюду были малярные и плотницкие инструменты, заляпанные краской стремянки, небрежно застеленные газетами полы, мешки с цементом, банки с краской, сорванные со стен обои, отвинченные батареи парового отопления, водопроводные трубы и снятые с окон старые рамы и подоконники. Морозный ветер со снегом задувал в пустые оконные проемы и гулял по выстуженному зданию.

Поднявшись по широкой парадной лестнице на второй этаж и пройдя через анфиладу пустых комнатушек со сломанными стенными перегородками (раньше тут были кабинеты и классы политпросвещения), Винсент, Робин и Александра спустились по боковой лестнице в зал будущего цеха разборки и сборки автомашин (бывший актовъй зал клуба) и только теперь уловили какие-то голоса, а потом и нашли трех рабочих в крохотном чулане-бытовке. Здесь, возле хлипкой пожарной двери на улицу, жарко пылала спираль самодельного электрообогревателя. Сидя на каких-то ящиках, русские – два пожилых сморчка с лицами спекшихся алкашей и молодой мордатый здоровяк – закусывали: несмотря на раннее утро, перед ними на табурете стояла початая

бутылка водки «Ройял», два граненых стакана и алюминиевая армейская кружка, открытая консервная банка с итальянскими сардинами и буханка черного хлеба, нарезанная крупными ломтями.

– What is it? Что это? Русский обеденный перерыв? – спросил Винсент, посмотрев на часы. – И где остальные? Здесь двадцать человек должны работать постоянно.

Александра перевела рабочим, те ответили ей небрежно, через плечо. Она объяснила Винсенту:

– Они говорят, что у них деньги кончились. Вы должны заплатить им за месяц вперед.

– Как это – за месяц вперед? Неделю назад я подписал контракт с их начальником и выдал депозит. Шесть тысяч!

Александра перевела, снова получила небрежный ответ и снова перевела Винсенту:

– Этого начальника вчера убили.

– Убили?! – ужаснулся Винсент. – Кто? Как это случилось?

– Это Москва, у нас каждый день убивают, – объяснила Александра и снова спросила что-то у рабочих.

Те молча чокнулись стаканами и кружкой, выпили, потом один из них сказал что-то Александре.

– Это поминки, – перевела Александра. – Они выпили за душу своего начальника.

– А что случилось с моими деньгами?

Александра перевела вопрос рабочим, потом – их ответ:

– Они не знают. Начальник убит и деньги пропали. Наверное, его ограбили. Но они не собираются работать бесплатно. Если вы не заплатите им за месяц вперед, они уйдут на другую стройку.

– Но кому тут платить? Они же пьяные! И где гарантия, что завтра и они не исчезнут с деньгами?

Александра перевела рабочим насчет гарантии.

– Какая на хуй гарантия? – усмехнулся один из рабочих.

– Да пошел он в жопу! – сказал второй.

– Будет платить – будем работать, а нет – спалим тут все на хуй и пошел он в пизду! – заключил третий.

Александра не успела перевести эти заявления, потому что Робин, понявший почти все и без перевода, вдруг взбесился сильнее Винсента – ударом ботинка опрокинул табурет с «поминками», схватил двух сморчков за воротники и с жуткой силой, свойственной всем немым, стукнул их лбами. А мордатого здоровяка, который вскочил с ножом в руке, Робин, мыча от бешенства, стал жестами приглашать напасть на него. Но тот оказался не из робких – он уверенно и трезво пошел на Робина, играя ножом, как профессиональный убийца со специальной армейской подготовкой. И если от первого выпада Робин успел увернуться, то от мгновенной подсечки ногой – нет, и русский тут же нагнулся над упавшим противником, занес руку с ножом. Правда, Робин успел перехватить эту руку, однако мордатый второй рукой уверенно душил Робина, неотвратимо приближая нож к его

лицу.

Александра остолбенела от ужаса, но в этот миг Винсент изо всех сил прижал парню к заднице раскаленный электрообогреватель. Мордатый распрямылся в немом крике, выронил нож, закутился на месте, вращая глазами, и с криком выскочил на улицу. Дымя брезентовой курткой, он пробежал мимо изумленных прохожих метров сто до ближайшего снежного сугроба и прыгнул обожженной задницей в снег, стал кататься в сугробе, сбивая пламя.

Из соседнего кафетерия «Русское бистро» выскочили несколько мужчин в грязных телогрейках и побежали к нему через мостовую.

Винсент в изумлении показал Александре на одного из них:

– Look! Смотри! Это их начальник! Но его же убили!

Тем временем Робин, поднявшись, выбросил на улицу двух сморчков и жестами запальчиво показал Винсенту:

«НИКАКИХ БОЛЬШЕ РУССКИХ РАБОЧИХ! Я ВСЕ СДЕЛАЮ САМ!»

– They are coming! (Они идут!) – в ужасе сказала Александра и показала на улицу.

Действительно, шестеро работяг во главе со своим бригадиром угрожающе двигались к их офису.

Винсент протянул Александре «Моторолу»:

– Звони в полицию!

– Это бесполезно, – сказала та и захлопнула хлипкую

уличную дверь.

Робин заложил ее ножкой табуретки.

Но после первых же ударов снаружи стало ясно, что дверь не выдержит и минуты.

– Сюда! – Винсент побежал прочь из каморки – через пустой зал будущего цеха сборки машин и через анфиладу комнат – в сторону парадного входа.

Александра и Робин следовали за ним. Робин на ходу запер за ними двери. Александра набрала на «Мотороле» «02», закричала в трубку по-русски:

– Милиция! Нас убивают! На Пречистенке!.. Мой номер телефона? При чем тут?.. Я не знаю мой номер телефона...

Винсент первым несся к парадной двери и вдруг остановился на всем бегу – навстречу ему уже поднимались по лестнице те же рабочие с палками и металлическими штырями в руках. Он толкнул в их сторону стремянку, она с грохотом покатилась вниз по ступеням, но рабочие обошли ее и двинулись вверх. Робин втащил Винсента назад, захлопнул высокую дубовую дверь, подпер ее стулом под ручку и вылил под дверь ведро масляной краски. В тот же миг топор стал рубить эту дверь снаружи.

– Сюда! На помощь! – зажатым голосом выкрикнула Александра на улицу через пустой оконный проем.

Винсент подбежал к ней и увидел зрителей в окнах противоположного многоэтажного дома: люди стояли там за занавесками и шторами и с острым любопытством наблюдали

за событием. Но никто из них не звонил в милицию и вообще никак не собирался вмешаться.

– Fuck you! – крикнул им Винсент и двумя руками в сердцах швырнул в них банку с краской.

Банка не долетела, конечно, а упала вниз и угодила по багажнику проезжавшей по улице серебристой «вольво». Машина остановилась, из нее вышли четыре качка, удивленно посмотрели на помятый и облитый желтой краской зад машины, потом – на окно, из которого выпала эта банка. В окне торчали головы Александры и Винсента, Александра кричала:

– Помогите! Спасите!

Качки вытащили из-под пиджаков семнадцатизарядные пистолеты «глок» и стали палить по окну. Но Винсент, увидев «глок», тут же сдернул Александру на пол и сам упал рядом. Сверху с потолка на них сыпалась отбитая пулями штукатурка.

– They are crazy! (Они психи!) – изумленно сказал Винсент. – Это хуже, чем в Италии!

В окнах противоположного дома зрители исчезли, тоже, видимо, попадав на пол.

Между тем в особняке «Рос-Ам сэйф уэй интернешнл, инк.» под ударами топоров рабочих из парадной дубовой двери летели щепки, хотя стоять в скользкой краске рабочим было неудобно...

Робин стоял за этой дверью рядом с дверным косяком.

Прислонившись спиной к стене, он держал в руках отрезок водопроводной трубы. Пули качков, влетавшие в окна, срикошетив от потолка, сыпались вокруг него и разрывали бумажные мешки с цементом, которые он подтащил к двери.

Расстреляв по первой обойме, качки перезарядили свои «глоки» и с решительным видом направились к парадному входу особняка, не обращая внимания на возникшую на улице автомобильную пробку, гудки нетерпеливых автомобилистов и дальний вой милицейской сирены.

В окнах противоположного дома снова стали возникать осторожные зрители.

Войдя в парадное и увидев сверху на лестнице рабочих, уже почти пробивших топорами огромную дыру в двери, качки крикнули им «Лежать!» и выстрелили над их головами. Рабочие упали на залитый краской пол.

Качки несколькими выстрелами выбили дверь из дверных петель и пнули ее внутрь. Дверь с пушечным грохотом рухнула на мешки с цементом, подняв в воздух облако цементной пыли. Качки, закрыв глаза и задержав дыхание, вслепую палили в это облако из своих «глоков». Но когда пыль осела, они увидели, что в комнате никого нет. И в соседней – тоже. И в третьей...

И только подойдя к окну, они обнаружили своих обидчиков.

Выскочив на улицу из пожарной двери чулана-подсобки, Винсент, Александра и Робин угодили прямо в руки мили-

ционеров, пробившихся сюда через автомобильную пробку на новеньком «шевроле» с мигалкой и русской надписью «МИЛИЦИЯ».

– Эй! Это же наша машина, «шевроле»! – сказал Винсент, сидя в наручниках на заднем сиденье машины.

– Same shit! (Один хрен!) – хмуро заметила Александра.

Стоя за металлической решеткой камеры предварительного заключения в 208-м районном отделении милиции, Винсент и Робин изумленно смотрели, как арестованные качки отсчитали дежурному майору милиции четыре тысячи долларов, получили у него свои «глоки» и спокойно, с шутками покинули милицию, не забыв, конечно, жестами и матюками пригрозить американцам. Никаких квитанций, вызовов в суд или в прокуратуру этот майор качкам не выдал, а, наоборот, порвал акт о задержании, составленный час назад, сразу после доставки в отделение участников происшествия, и углубился в чтение английского издания романа Марио Пьюзо «Крестный отец».

Через зарешеченное окно за его спиной Робину и Винсенту было видно, как, сев в свою «вольву», которую бригада уличных пацанов-мойщиков уже отмыла от краски, качки швырнули этим пацанам зеленую десятку и уехали.

Тут, не отрываясь от книги, майор раздал семи вахтенным милиционерам по сотне долларов, остальные деньги разделил на две пачки и одну из них положил в сейф, а вторую – себе в карман.

Теперь наступила очередь рабочих. Их, шестерых, тоже вывели из соседней клетки КПЗ, и с них, как раньше с качков, тоже сняли наручники. Бригадир рабочих, поторговав-

шись с майором милиции, расстегнул ширинку и извлек из потайного кармана в трусах узкий конверт «California Trust Bank» с деньгами.

– Это же мои деньги! – опознал свой конверт Винсент.

Но бригадир, не обращая на Винсента никакого внимания, отсчитал майору милиции шесть сотен. Майор, отложив «Крестного отца», порвал еще один акт о задержании, а рабочие – тоже с шутками – направились к выходу.

– Listen! Это же наши деньги! А что насчет нас? – снова крикнул Винсент майору милиции и повернулся к Александру: – How much *'nado dat'*?

Александра сказала что-то майору, тот и другие дежурные милиционеры, деля деньги рабочих, засмеялись, Александра перевела Винсенту их ответ:

– Вы иностранцы. Они не берут взятку у иностранцев. Они отправят нас в тюрьму.

– Как это в тюрьму? – возмутился Винсент. – Эти засранцы хотели нас убить и их отпустили, а мы пойдём в тюрьму?

– Не забудьте: вы сожгли задницу русскому рабочему, – напомнила Александра.

– Ебать его задницу! – воскликнул Винсент. – Это была самозащита! Я не пойду ни в какую тюрьму! А хочу говорить с моим посланцем! – И, ухватив руками стальную решетку, крикнул майору: – Heu, listen! Я иностранец, но я знаю мои права! Я хочу позвонить послу Соединенных Штатов!

– Fuck off! (Отъебись!) – спокойно ответил ему майор по-

английски. И стал двумя пальцами печатать на старой пиш-
машинке «Москва» какой-то документ. Потом поднял голо-
ву, спросил Робина: – Your name? (Фамилия?)

– Его зовут Робин Палски, он немой, – вместо Робина от-
ветила Александра.

Майор что-то отпечатал, спросил у Александры:

– Твоя фамилия?

– Александра Каневская. А что вы печатаете?

– Направление в тюрьму и представление в прокуратуру.

Его фамилия? – Майор кивнул на Винсента.

– Мистер Винсент Феррано.

– What he is doing? (Что он делает?) – с беспокойством
спросил Винсент.

– Он печатает направление в тюрьму.

– Heu! – снова крикнул Винсент майору. – I wanna talk
to my Ambassador, do you hear me? (Я хочу говорить с моим
послом, ты слышишь?)

Майор снял трубку зазвонившего телефона, что-то сказал
в нее, потом посмотрел на Винсента:

– Do you have fifty thousand? (У вас есть пятьдесят тысяч?)

– Пятьдесят тысяч чего? – не понял Винсент.

– Пятьдесят тысяч долларов. Не рублей, конечно, – усмех-
нулся майор.

– Are you crazy?! Ты спятил? Ты взял с бандитов четыре
тысячи, а у них были пистолеты! И ты взял с рабочих шесть
сотен! А с нас ты хочешь пятьдесят тысяч?! За что? Мы ни-

чего не сделали, ты же знаешь!

Майор спокойно выслушал этот монолог, потом спросил:

– Так у вас есть пятьдесят тысяч или нет?

– Послушай! Клянусь Богом: мы ничего не сделали! – с прежней горячностью сказал Винсент. – Они хотели убить нас! И у них были пистолеты, не у нас!

– Он не хочет платить, – по-русски сказал в трубку майор, положил ее на рычаг и продолжил печатать на машинке.

Робин знаками показал Винсенту:

«ЭТО ИГРА!»

– Я знаю, что это игра! – ответил ему Винсент. – Он шантажирует нас. Я играл в эти игры сотни раз. Но знаешь, что меня изумляет? Они только вылезли из коммунизма, они должны быть в первом классе в таких играх. А ты посмотри на этого майора – он же гроссмейстер!

Майор перестал печатать и с улыбкой повернулся к Винсенту:

– O'kay, twenty thousand. (Ладно, двадцать тысяч.)

– What's your name? (Как тебя зовут?) – спросил Винсент.

– Зачем тебе? – усмехнулся майор.

– Потому что я не имею дел с незнакомыми! – заносчиво ответил Винсент.

– Ну, Сорокин.

– O'кей, Нусорокин. Знаешь что? Если ты хочешь быть справедливым, ты должен отдать нам половину того, что ты сейчас заработал.

– Почему? – удивился майор.

– Потому что мы партнеры – ты сделал эти деньги благодаря нам! А деньги, которые ты взял с рабочих, вообще мои деньги!

– Forget it! Забудь! – усмехнулся Сорокин, у него был неплохой английский. – Эти деньги пойдут наверх! – Он показал пальцем вверх. – Но говоря о партнерстве... Вы собираетесь открыть бизнес в этом районе?

Винсент кивнул.

– Какой бизнес? – спросил майор.

– Мы делаем бронированные лимузины.

– О-о! – заинтересовался майор. – А ну-ка подробнее! Какие лимузины?

– Любые. В основном «мерседесы».

– «Мерседесы»? Правда? О, это хороший бизнес! – еще больше возбудился и повеселел майор. – Очень хороший! Много бандитов купят ваши машины! Но вам нужна «крыша», протекция! И это мой район, знаете? Как насчет того, что я вас сейчас отпущу даром, и вы будете ежемесячно платить мне десять косых за защиту вашего бизнеса? А?

– Your English is great, – сказал Винсент, – but your manners are fucking shit!

– What? – не поверил своим ушам майор и переспросил у Александры: – Что он сказал?

– Он говорит, что у вас хороший английский, но дерьмовые манеры, – смягчила Александра.

– Why? Почему? – спросил майор у Винсента.

– Потому что джентльмены не обсуждают бизнес в камере! – заносчиво сказал Винсент. – Ты что, не зарабатываешь на то, чтобы обсудить бизнес в хорошем ресторане?

«ARE YOU CRAZY? ТЫ СОШЕЛ С УМА? – жестами возмущался Робин на улице. – ТЫ БУДЕШЬ ПЛАТИТЬ ЕМУ ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ЕЖЕМЕСЯЧНО?»

– Oh, sure! (О, как же!) – быстро вышагивал Винсент. – Десять тысяч хуев я буду ему платить, вот что! Мы уезжаем! – Он остановился посреди тротуара и повернулся к Робину: – Читай по губам: мы – у-е-зжа-ем! *Бабэнэ?*

Робин кивнул.

– Не понимаю, почему я начал тут говорить по-итальянски? – озадаченно произнес Винсент. – Я не говорил по-итальянски лет двадцать! Может, потому, что эта ебаная страна напоминает мне мою юность на Сицилии...

Но тут его исторические сантименты перебил пролетающий по улице кортеж: впереди, с большим отрывом от основной группы машин, мчался милицейский «Мерседес-300», распугивая транспорт сиреной и мигалкой. За ним по уже свободной и чистой мостовой специальным строем – «расческой» – летели серый «Мерседес-600», перекрашенный «Порше-XXI» мэра Москвы и еще один «Мерседес-300». Словно хищные торпеды – и с тем же завывающим звуком – пронеслись они по мостовой, за их бамперами вздымались снежные завитки поземки.

– Oh, fuck! – воскликнул Винсент. – Это моя машина! Я

идиот! Я идиот хуев! Я отдал им свою лучшую машину! – В бешенстве и в отчаянии он готов был рвать на себе волосы. И вдруг замер, сказал холодно: – О нет! Я никуда не уеду! Я – Винсент Феррано, Сицилийский Буйвол! Я не оставлю этим ебаным русским все, что я нажил! – И закричал вслед улетевшему по проспекту кортежу: – Вы слышите меня? Я Винсент Феррано! Сицилиец! Мне плевать на деньги! Но вы мне заплатите за все! – И добавил по-итальянски: – *Nessuno me lo ficca in culo!* Я не позволю иметь меня в зад!

Часть вторая

16

В марте 1996 года Москва была больше похожа на мировую столицу коммунизма, чем при Брежневе и Андропове. Потому что в брежневские времена о коммунизме вещали лишь скучные заголовки в «Правде» да вылинявшие уличные транспаранты типа

«КОММУНИЗМ – ЭТО МОЛОДОСТЬ МИРА!»,
«ВЕРНОЙ ДОРОГОЙ ИДЕТЕ, ТОВАРИЩИ!»

и

«КПСС – УМ, ЧЕСТЬ И СОВЕСТЬ НАШЕЙ
ЭПОХИ!»

Народ не обращал на эту галиматью никакого внимания, проклинал режим и был занят поисками еды, одежды, лекарств, блага, ходов с черного хода, путевок в Гагры и тройка до полочки. А всякая общественная жизнь и политическая деятельность были ему до лампочки.

Но теперь, с победой демократии, все изменилось самым кардинальным образом. Теперь на фронтонах московских зданий сияет реклама казино, «шанели», «версачи», Карибских островов и прочих соблазнов бывшего дефицита, одна-

ко народ и на эту рекламу не реагирует, в казино не спешит, «шанелей» не носит, а под ностальгический бой барабанов ходит по улицам с красными знаменами, митингует на площадях под портретами Сталина, Жир Ин Сэна, Ле Бедя и Зю Гана и сочиняет стихи политического содержания.

«ЕЛЬ ТЗЫН МРАЗЬ, С РОССИИ СЛАЗЬ!»

«ВМЕСТО ЕЛЯ ПЬЯНА ВЫБЕРЕМ ЗЮ ГАНА!»

«БУДЕТ ПРЕЗИДЕНТОМ БЕДЬ – БУДЕМ
РОДИНОЙ ВЛАДЕТЬ!»

Да, воистину загадочна русская душа! Роскошные цветные «Плейбои» и «Пентхаусы», за которые раньше, при коммунистах, платили любые деньги и которыми с риском угодить за решетку торговали из-под полы лишь самые отчаянные смельчаки, теперь свободно (и даже по-русски!) лежат на прилавках в любом уличном киоске, а народ ворочит от них и глаза, и носы и охотится за «Московским комсомольцем», «Советской Россией» и «Комсомольской правдой», каждый день оглушающими публику хроникой все-российского бандитизма и коррумпированности правительственных чиновников. И в Думе красные депутаты, облеченные реальной и почти всенародной поддержкой, бьют, пользуясь своим большинством, демократов самым привычным коммунистическим способом – кулаками. А любой указ Ель Тзына, даже самый невинный, принципиально спускают в клозет. При ничтожном рейтинге президента, упавшем до шести процентов, кто, в самом деле, будет считаться с его

указами?

В кабинете Юрия Болотникова Винсент положил на стол пачку с двадцатью тысячами долларов и сказал:

– You was right. Ты был прав. Я не могу защитить себя в этой стране. Но вопрос в том, можешь ли ты защитить тут наш бизнес?

– Sure! – улыбнулся Болотников, смахивая деньги в ящик письменного стола. Этот стол, как и вся мебель в кабинете, был музейной красоты времен Екатерины Второй. – No problem. Вы получите военизированную охрану.

Винсент отошел к окну и позвал Болотникова:

– Иди сюда.

– Зачем?

– Come on! Иди сюда.

Болотников нехотя поднялся из своего роскошного кресла с золочеными подлокотниками и подошел к окну.

– Смотри! – сказал ему Винсент.

За окном шел очередной коммунистический митинг. Над морем голов, украшенных морозным паром, вздымались карикатуры на Ель Тзына, Сос Кор Цинья, Чу Бай Сона, Я Сина, Бай Су Койя и других министров. Рукописные плакаты требовали: «Долой банду воров и бандитов!», «Предателей России – под суд!», «Прекратить геноцид русского народа!» и «Зю Гана – в президенты!». На трибуне у микрофона ораторствовали Зю Ган, Ан Пил, Се Ма Го, Гу Бен Кой и прочие

неокоммунисты.

– Ты можешь защитить наш бизнес от них? – спросил Винсент.

Болотников снял очки и потер усталые глаза.

– Look, – сказал Винсент. – Когда я ехал сюда, я думал, вы действительно представляете власть. Но теперь я разобрался в вашей действительности. Вы не профессионалы. Вы не умеете кушать пирог маленькой ложкой. Вы, как варвары, влезли ногами на стол и огромными ломтями хватаете все подряд...

Георгий Брух стал подниматься с дивана, но Винсент жестом остановил его:

– Не перебивай, я знаю, что говорю! Даже у нас никто не может торговать водкой и не платить налоги! А у вас президент дарит своим массажистам монопольную торговлю водкой – it's incredible! Конечно, вашим людям это не нравится. Они думали, что демократия – это когда каждый имеет по куску пирога, верно? А теперь они видят, как вы сжираете все, а им не даете ничего, даже зарплату. Но я не приехал сюда учить вас демократии, не беспокойтесь! Я приехал делать бизнес. И к несчастью, я уже слишком много вложил в него. Очень много! Даже свою задницу! Я не могу вернуться и сказать жене и детям, что я самый ебанный идиот в мире и потерял здесь все состояние. Поэтому от вас мне нужна не защита от ваших сраных бандитов и полицейских рэкетиров. Как вы тут говорите, я их в рот ебал! Но как насчет этих лю-

дей? – Винсент показал за окно. – Если эти комми придут к власти, мы все потеряем.

– Успокойся, они не придут к власти, – сказал Брух.

– Откуда ты знаешь?

– Я знаю, – уклончиво сказал Брух.

– Ты имеешь в виду – ввести военное положение? Да? – спросил Винсент. – Я слышал об этом! Кое-кто организует пару взрывов в московском метро и пару политических убийств якобы от имени чеченских партизан. А в ответ вы объявите Martial Law, чрезвычайное положение в стране и отмените выборы. Так?

– Откуда ты знаешь? – изумился Болотников.

– Мой партнер читает ваши коммунистические газеты. Просто, верно? Но я вам скажу: военное положение вам ни хера не поможет! Во-первых, ваша полиция не станет держать порядок. Это будет не порядок, а полицейский терроризм и вымогательство по всей стране. И во-вторых, любое военное положение – это начало военного переворота. Поверь мне, я знаю всех военных диктаторов в мире, они все купили у меня по бронированному лимузину! И они все вышли из «временного» военного положения. Так что через пару месяцев вы получите диктатора Сос Кор Цинья, Бай Су Койя, Ле Беда или еще какого-нибудь полковника. И вы сбежите из вашей ебаной любимой России-мамы, а меня и Робина оставите посреди крови на московских улицах, как мы это сделали с нашими вьетнамскими друзьями в Сайгоне.

– Так что ты предлагаешь? – кисло спросил у него Болотников.

– Во-первых, забыть ваши ебанные мечты о военном положении! Это херня! И во-вторых, выиграть выборы.

– But how? Как выиграть? Вот вопрос! – воскликнул Георгий Брух, вскакивая с дивана и подбегая к окну. – Как мы можем выиграть выборы, если у Ель Тзына рейтинг популярности шесть процентов, а у коммунистов семьдесят?! Ну!

– Этого я не знаю, я не специалист, – сказал Винсент. – Но я знаю, что выборы такой же ебанный бизнес, как и все остальное. Ты не можешь с лицом, как бледная жопа, читать людям из Кремля лекции по ТВ, чтобы они за тебя голосовали. Ты должен поднять свой зад и протащить его по всей стране, и ты должен разговаривать с людьми, и ты должен делать это профессионально, или ты все продул! В Штатах у нас есть специалисты по избирательным кампаниям, и никто не лезет на выборы без их помощи! Пожалуйста, передайте это туда! – И он показал пальцем наверх точно так, как показывал наверх майор милиции Сорокин в 208-м райотделе милиции на Пречистенке. – А до тех пор, пока я не увижу хоть какой-нибудь сраный прогресс в этом направлении, я замораживаю все свои дела тут. Пока, джентльмены. Пошли, Робин!

«Ах, ах, ах! Как ты их напугал!» – жестами измывался над Винсентом Робин, едва они вышли на улицу, оглушенную коммунистическими речами. «Ты запугал их до смерти!»

Но Винсент не успел ответить, и даже его раздраженный жест «fuck off» был прерван нетерпеливым гудком и визгом тормозов черного «линкольна», остановившегося рядом. Задняя дверь лимузина была распахнута, из нее выскочил Виктор Машков, начальник службы безопасности «Земстроя». С силой Шварценеггера, неожиданной при его среднем росте, он моментальным движением рук забросил в машину и Винсента, и Робина, а сам запрыгнул на переднее сиденье уже на ходу. Машина рванула в переулок, стремительно набирая скорость.

– Heu, what's the fuck? В чем дело? – взбешенно сказал Винсент сидевшему на заднем сиденье Георгию Бруху.

– Кому ты поручил доставить из Питера свои ебанные контейнеры? – по-русски спросил у него Брух неожиданно жестким тоном.

– What d'you mean 'кому'? Что значит – кому? – легко понял его Винсент. – Вашей обычной транспортной фирме, «Трансавто». А что?

– Shit! – по-английски выругался Брух и повернулся к Машкову. – Твою мать, Витек, ты не мог проследить за этим?

– Меня никто не спрашивал, к ним приставлена Александра, – бросил через плечо Машков.

– А где она, етти ее мать?

Машков пожал плечами, а Винсент и Робин тоже оставили вопрос без ответа, поскольку сегодня Александра у них не появлялась.

– А что случилось? Куда мы едем? – Винсент с тревогой глядел, как «линкольн», нарушая все мыслимые правила движения, вырвался из переулков на Тверскую улицу и на бешеной скорости полетел по резервной полосе от центра города в сторону Ленинградского шоссе.

Но Винсенту никто не ответил. Брух, Машков и даже покойной шофер занялись разговорами по своим радиотелефонам:

– Четвертый! Я второй! Проходим Тверскую у Белорусского, через три минуты будем у развилки...

– Восьмой и двенадцатый! Где вы, екс вашу мать?

– Всем сбор у Химок! Контрольное время – 12.10...

По ходу движения «линкольна» стала обозначаться какая-то организация: то слева, то справа из боковых улиц выскакивали джипы, «рафики», тяжелые грузовики и бетономешалки с надписью «ЗЕМСТРОЙ» и пристраивались в хвост «линкольну», словно боевая эскадра за флагманом. И по мере роста этой стаи мощным гулом наполнялось Ленинградское шоссе с его рекламными тумбами, оклеенными портретами кандидатов в президенты, и сбегали со сво-

их постов уличные регулировщики, и, само собой, останав-
ливалось поперечное движение, давая дорогу этой все рас-
тущей и растущей армаде.

«Что происходит?» – жестами спросил Робин у Бруха.

– Я не смогу объяснить по-английски, у меня не хватит
слов, – сказал Брух.

– All right, гавари русски, ми уже понимай, – нетерпеливо
ответил за Робина Винсент.

Георгий удивленно посмотрел на него, сказал:

– Все дороги и все грузовые перевозки у нас контроли-
руют бандиты. Ленинградское шоссе держит солнцевская
группировка. Мои грузы они не трогают, я знаю их лидера.
Но вы отправили свои контейнеры через «Трансавто», и бан-
диты их прихватили.

– What's mean «prihvatili»? – спросил Винсент.

– А все остальное ты понял? – снова удивился Брух. –
«Прихватили» – значит отняли, арестовали, забрали себе.

– Они захватили мои контейнеры?!

Брух кивнул.

У Винсента от ужаса отпала челюсть.

– Там на полмиллиона оборудования!

– Поэтому они его и прихватили, – усмехнулся Брух.

– Jesus! И вы собираетесь воевать с ними этими машина-
ми? У вас что – вообще нет полиции в этой стране?

– Ты же сам сказал, что наша полиция коррумпирована. –

Брух вытащил из-под сиденья несколько коротковольных

автоматов «АКС», бросил один из них на переднее сиденье Машкову, а второй протянул Винсенту, но тут же передумал: – Хотя нет, вам нельзя, вы иностранцы.

– Значит, вы тоже бандиты... – не то спросил, не то заключил Винсент, глядя, как Машков умело заряжает «АКС». – Shit! А я собирался сделать чистый бизнес хоть раз в жизни...

– Нет, я не бандит! – решительно опроверг Брух. – Я бизнесмен! – И в гневе стал мешать английские и русские слова: – As the matter of fact, я один из самых успешных бизнесменов в России! Потому что моя фирма делает реальную работу. И самую тяжелую: фундаменты, тоннели метро, подземные гаражи! У меня работают пять тысяч рабочих, каждый получает тысячу долларов в месяц и выше! И это в то время, когда по всей стране средний заработок сорок долларов. Но ты не можешь иметь у нас никакой бизнес без того, чтобы на тебя не наезжали бандиты. Нужна «крыша», protection. И у меня была дилемма: платить «крыше», то есть бандитам, или создать свою систему безопасности. Но такую, чтобы никакие бандиты не совались, ты понял? Well, я выбрал второе. Это стоит мне кучу денег, я держу четыре сотни охранников, все с легальным оружием, но зато...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.